

№4

Апрель 2012

ТРУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Немеркнущий светоч разума

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ
РУССКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМ. А.С. ГРИБОЕДОВА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

ХОЛСТОМЕР. ИСТОРИЯ ЛОШАДИ

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСПОВЕДЬ ПО МОТИВАМ
ПОВЕСТИ Л.Н.ТОЛСТОГО

Режиссер-постановщик –
Автандил ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии,
лауреат премии им. К.Марджанишвили

WWW.GRIBOEDOVTHEATRE.GE
WWW.RUSSIANCLUB.GE

Премьера спектакля «Холстомер» по мотивам повести Л. Н. Толстого состоится 14 и 22 апреля на сцене Большого зала Тбилисского государственного драматического театра имени А. С. Грибоедова. Она посвящена 95-летию со дня рождения народного артиста СССР, легенды театра и кино Евгения Лебедева. Режиссер-постановщик «Холстомера» художественный руководитель театра, лауреат Государственной премии Грузии и премии имени Котэ Марджанишвили Автандил Варсимашвили. В постановке заняты ведущие и молодые артисты Грибоедовского театра.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джанеуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№4⁽⁷⁸⁾
Апрель 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ПОЭЗИЯ КАК ИГРА
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 10 НИКОГДА НЕ ПРЕКРАТИТЬ ДЫХАНИЕ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 12 РЕВОЛЮЦИЯ С ОПТИМИЗМОМ
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
- 15 НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТОЧ РАЗУМА
ГЕОРГИЙ ШАКУЛАШВИЛИ
- 19 НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ – ЛАУРЕАТ «РУССКОЙ ПРЕМИИ»
- 20 «СНЫ О ГРУЗИИ» В МОСКВЕ
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
- 21 ГРУЗИНСКАЯ ЛОЗА ПО ИМЕНИ МЕДЕЯ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 26 ТРЕТЬЯ ВЫСОТА
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 30 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 34 ПАМЯТЬ ТЕХ, КТО ВИДЕЛ ТЕБЯ...
ЛАНА ГАРОН
- 37 «ЕСЛИ Я ЗАБУДУ ТЕБЯ, ИЕРУСАЛИМ...»
ДЖЕМАЛ АДЖИАШВИЛИ
- 43 ВРЕМЯ ЖЕНЩИН
НИНА ШАДУРИ
- 46 ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ДУШИ
МИХАИЛ МЧЕДЛИШВИЛИ
- 49 ОКНО В ИСКУССТВО БЕЗ ГРАНИЦ
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 51 ШИК, БЛЕСК, КРАСОТА!
ЯНА ИСРАЕЛЯН
- 54 СЛОВО О ДРУГЕ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ

На обложке - памятник **Мирзе Фатали Ахундзаде (Ахундову)** в Тбилиси
Фото **Гога Чанадири**

ОТ ДО

«ПРИХОДИ КО МНЕ, БРАТЕ,
В МОСКОВ!..»

865 лет назад, а точнее 4 апреля 1147 года, князь Юрий Долгорукий устроил великий пир в честь своего союзника и кузена – князя Новгород-Северского Святослава Ольговича. Об этом сохранилось свидетельство в древней летописи. Что весьма естественно, ведь это было важное государственное событие того времени. Проходила встреча в доселе никому неизвестной Москве.

Так что же, получается, апрельский день 1147 года – это дата основания Москвы? Да, нет, конечно, городок-то уже существовал! Иначе куда приглашал бы кузена князь? В чистое поле?

Археологи постоянно отодвигают дату основания Москвы. Ведь еще в позапрошлом веке, при строительстве Храма Христа Спасителя, рабочие нашли клад с арабскими монетами девятого (!) века.

ХУДОЖНИК И ЕГО ЖЕРТВА

4 апреля исполнилось бы 80 лет гениальному Андрею Тарковскому – русскому кинорежиссеру и сценаристу. Он прожил всего 54 года и снял всего семь полнометражных фильмов. Его при жизни признавали гением. Глубину образов в его филь-

мах не измерить никаким лотом. Такое было только в величайших произведениях классиков. Но в XXI веке вдруг выяснилось, что его киноязык понятен и нынешнему поколению молодых зрителей. Тарковский как-то незаметно опередил свое время...

Дитя войны – мальчик Иван, иконописец Андрей Рублев, разумный Океан Станислава Лема, покалеченный жизнью пегий Сталкер и русский поэт, умирающий на чужбине от тоски по Родине – все это Миры Художника, за которые он принес жертву – себя самого. Как жаль, что жизнь всего одна и такая короткая!

150 ЛЕТ СТОЛЫПИНА

14 апреля 1862 года родился Петр Аркадьевич Столыпин, знаменитый и крупный российский государственный деятель, инициатор аграрной реформы, усмиритель революционного вихря 1905-1907 годов. Многим помнятся и его замечательные ораторские перлы – крылатые фразы, брошенные им с трибуны Государственной думы. «Не запугаете!» и «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».

В перестройку Столыпина превознесли до небес, как предтечу Великой эпохи перемен, позабыв совсем, что своим современникам он совсем не казался таким уж прогрессивным и «белым и пушистым». Почему-то люди конца XX века хотели видеть его опередившим время американцем Рузвельтом, или китайцем Дэн Сяопином, и почему-то не хотели вспоминать о тысячах расстрелянных и повешенных, про жутики «столыпинские трибуналы-тройки», про «столыпинские галстуки» и «столыпинские вагоны».

Конечно, это был незаурядный человек, с широчайшим государственным кругозором, обладавший к тому же решительностью и волей совершить задуманное. А аграрной реформе этого «заклятого реакционера» сам вождь мирового пролетариата Владимир Ульянов-Ленин сделал комплимент, сказав, что если бы она удалась, то революция в России была бы невозможна. Но для своего костного царского окружения деятельность Столыпина была настолько

революционной, что он очень загадочно и как-то очень вовремя, для всех заинтересованных лиц, был убит в Киеве во время оперного спектакля.

Как говорится, тяжела и неказиста жизнь... российского реформатора.

ЦАРЬ В «ОРЕХОВОЙ
СКОРЛУПКЕ»

Ровно семьдесят лет назад 8 апреля 1942 года было официально задокументировано предсказание знаменитой прорицательницы Ванги из маленького болгарского городка, которое, как потом выяснилось, сбылось с абсолютной точностью. К ней приехал сам болгарский царь Борис III с крошечной свитой особо приближенных и небогатых придворных. Он хотел спросить, что ждет его и страну. Ванга сообщила монарху, что с Болгарией будет все в порядке, из войны она выйдет с минимальными потерями и ее разграбления не будет, а еще, что сам царь хорошо поработал в последние годы и «стал большим, но скоро вместится в ореховую скорлупку». И случится это в день 28 августа. Борис умер точно в указанный день. Через полтора года в августе 1943 года. И был похоронен в ореховом гробу...

«ЖИВ ОКЕАН»

Так, услышав о судьбе несчастного «Титаника», написал в своем дневнике великий поэт Серебряного века Александр Блок и рассказал об этом всем знакомым. Знакомые, естественно, возмущались, а ехидный Иван Бунин непочтительно острил, что гению не обязательно быть умным человеком. А между тем, это было озарением провидца – чутье поэта Блока не подвело. Да, «жив Океан»! Природа жестоко ответила на горделивый вызов человека.

Мы все знаем, что ровно 100 лет назад, 15 апреля 1912 года суперлайнер «Титаник» затонул, столкнувшись с айсбергом. Погибли полторы тысячи людских душ, спаслись ме-

нее семисот. Прекрасный корабль, гордость мирового судостроения, превратился в груды гигантских обломков на четырехкилометровой глубине. Как же так могло случиться? Ведь он был олицетворением прогресса – пути от простого к сложному, от невежества к знанию. И вдруг, прекрасный, удобный и безопасный рукотворный мир «Титаника» в одночасье исчез, скрывшись в ледяных глубинах ночного океана, как злоевищий символ грядущих катаклизмов жестокого XX века.

Но мы – человечество – можем ответить на это только Мудростью, Терпением, Предусмотрительностью и Достоинством. Ведь на том же «Титанике», невзирая на поздние лживые байки, не было никакой паники и давки. В шлюпки сажали в первую очередь женщин и детей от первого до третьего класса, а обреченные на практически неизбежную гибель мужчины оставались на накренившейся палубе, закулив последнюю сигарету, как приговоренные к смерти. И до самого финала играл оркестр. А миллионер Астор хладнокровно шутил со случайным попутчиком – безвестным пассажиром третьего класса: «Я заказывал лед к шампанскому, но это – он показал на удаляющийся айсберг – немного чересчур!»

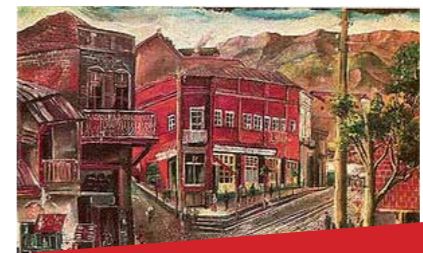

«И ТРЕСНУЛ ЛЕД»

18 апреля 1242 года. Ровно 770 лет назад войско русского князя Александра Невского одержало победу над немецкими рыцарями на Чудском озере. Это было знаменитое Ледовое побоище. Мы все видели про это великий фильм Сергея Эйзенштейна и знаем, как происходили события. Или считали, что знаем: пятнадцать тысяч немцев против семнадцати тысяч русских, потом «зажать меж двух берез», потом тяжелые доспехи утянули рыцарей под лед, а потом красивый и отважный

русский князь простер руку и произнес гордые слова про «кто к нам с мечом придет», а дальше мы все, естественно, в курсе. Так вот, граждане, все это было не в истории, а в киносценарии. А в русских летописях об этом, если не совсем молчок, то очень и очень скупо. В немецких же – вообще тишина...

Как считают современные историки, легендарное Ледовое побоище – это сильно приукрашенный летописцами рядовой пограничный инцидент. Ведь буквально год спустя тот же Александр Ярославич повелел построить в городе Пскове католический храм, чтобы немецкие соседи-купцы могли нормально молиться – зачем людей обижать. Так-то!

111-ЛЕТИЕ
ЕЛЕНЬ АХВЛЕДИАНИ

18 апреля исполняется 111 лет со дня рождения чудной грузинской художницы Елены Дмитриевны Ахвледиади. Ее творческое наследие включает в себя в основном пейзажную живопись. От тихих городских улочек до величественных горных пейзажей и даже промышленных строек. Она также известна, как театральный художник-постановщик, как верная соратница выдающегося режиссера Марджанишвили. Кроме того, Ахвледиади много работала как иллюстратор. Она оформляла книги Сервантеса, Гюго, Лонгфелло, а также Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе, Эгнате Ниношвили.

ДЕНЬ ТРОЯНСКОГО КОНЯ

24 апреля в невообразимо далеком 1184 году – поразительная точность для дистанции в 32 века – по преданию, доверчивые троянцы втащили в свой доселе неприступный город статую деревянного коня. Его оставили на пустынном берегу якобы уплывшие греческие оккупанты. Они девять лет грабили здешние окрестности и безуспешно пытались взять штурмом неприступные стены гордой Трои. И вот они, «несолоно хлебавши», отправились восвояси, оставив в дар богам деревянного истукана в виде коня. Троянцы ликовали и практически единогласно порешили установить его, как монумент победы на центральной площади. Если бы они только знали!..

Глубокой ночью, когда стих шум праздника и захмелевшие жители Трои заснули крепким сном, из чрева коня на веревках спустились три десятка лихих ахейских головорезов во главе с хитроумным Одиссеем,

автором этого военного плана. Этот лучший в истории античности спецназ крадучись добрался до городских ворот, перебил немногочисленную охрану и впустил в город вовсе никуда не уплывавшие боевые отряды Агамемнона. Так пала Троя...

Археологи иногда пытаются усомниться в точности этой даты, но кому интересна скучная истина ученых мужей, когда есть блистающий мир клинков, копий, зарева пожаров, звонких гомеровских рифм... коротче, «что он Гекубе, что ему Гекуба?»

«ПОЛЕВЫЕ ИСПЫТАНИЯ»
САМОЙ ГУМАННОЙ
МАШИНЫ В МИРЕ

Двадцать пятого апреля 1792 года в Париже на знаменитой Гревской площади, где испокон веку казнили важных государственных преступников, был установлен странный диковинный механизм – это была знаменитая гильотина. Здесь решили провести «полевые испытания» недавно сконструированной машины «для лишения жизни посредством отсечения головы». Из трех ее изобретателей присутствовали только двое – доктор Гильотен и королевский врач Луи. Третий изобретатель – по слухам, сам король Людовик XVI – на госприемку их совместного детища не явился... Но очного знакомства с грозной машиной он, тем не менее, не избежал – в начале 1793 года король был гильотинирован.

В то весеннее утро должна была состояться казнь простого вора Николая Пенлетье. Толпа зевак, больше привычная к знакомому антуражу казней с топором, плахой, палачом и прочей хореографией со священником, публичным покаянием и торжественным оглашением приговора под барабанный бой, была сильно разочарована. Все случилось очень быстро. С грохотом упал нож, голова казненного отлетела как арбуз – никакого удовольствия. Парижане засветили, заулюлюкали, зашикали и потребовали убрать с почтенного исторического места эту плебейскую вейлку-жатку. И убрали! Но ненадолго...

Роб АВАДЯЕВ

ПОЭЗИЯ КАК ИГРА

■ **Валерий Купка** – филолог, поэт, переводчик. Родился в Украине, живет в Словакии. По национальности – русин. Пишет стихи по-русски, публикуется, в основном, на словацком и русинском. В России печатался в раритетных, на сегодняшний день, изданиях – «Гуманитарный фонд», «Цирк «Олимп», «Performance». Автор нескольких поэтических сборников. Преподает русскую литературу в университете города Прешов. Участник V Международного русско-грузинского фестиваля «Сны о Грузии».

- Темой «круглого стола» на фестивале стали известные строчки Галактиона Табидзе, после которых мы поставили знак вопроса: «Поэзия – прежде всего?» Как бы ответили на это вы?

- Сложный вопрос. Я никогда не задумывался над этим. Может быть, прежде всего – и трава, и снег, и мы, и вы, а уж потом возникает поэзия. Но это на первый взгляд. А если задуматься, то в самом факте травы, меня, вас, и есть поэзия, которую надо увидеть и запечатлеть. В капле росы уже есть много поэзии. А если она есть, то мое дело – увидеть ее. Просто не каждому дано увидеть, почувствовать и записать – это очень сложное дело.

- То есть стихи уже есть, их только надо записать?

- Стихи диктуют, какими им быть. Наверное, они – прежде, чем я. Но, с другой стороны, в творчестве есть два пути – поэзия ума и поэзия души. Это клише, но действительно кто-то работает умом, и у него ремесло стоит на первом месте, что не означает, конечно, конец таланта. А есть поэзия, которая близка мне, - это стихи, которые уже где-то родились, а поэт их записывает. Конечно, без правок, исправлений эти стихи будут сырым

материалом, но это тот случай, когда поэзию надо выносить в себе, а не придумать.

- А вы, как профессионал, можете различить рациональные стихи и стихи, написанные, так сказать, сердцем?

- Мне кажется, да. Хотя я не профессиональный поэт...

- Говоря «профессионал», я не имею в виду, что вы этим зарабатываете деньги, а то, что вы умеете писать стихи.

- Понятно. Но я преподаю литературу, и с этой точки зрения, пожалуй, профессионал. Мне кажется, что я чувствую, когда кто-то работает в большей мере умом, а кто-то – чувством. Но это дело – опасное. Потому что именно в тех случаях, когда чувства больше, чем ума, возникает очень много плохих стихов. Что касается меня, то моя работа не означает наплыв чувств, которые я сразу записываю. Это не так. Просто в душе собираются, накапливаются образы, которые я в итоге запечатлеваю...

- А как вы вообще относитесь к стихотворству? Для вас это что-то святое – «Пока не требует поэта к священ-

ной жертве Аполлон», сакральное? Или ваше отношение – ироническое?

- Мои стихи выглядят иронически. Мне очень нравится убирать пафос, снижать, а не возвышать. Я не люблю высокие слова о поэзии. Например, «Пушкин – наше все».

- А как вы своим ученикам рассказываете о Пушкине?

- Без пафоса. Просто.

- Жил да был?

- Проблема в том, что мои студенты, в основном, впервые слышат о Пушкине на лекциях. За рубежом все-таки другая ситуация. У нас ведь в средней школе русский язык не изучают.

- Наверное, вы так рассказываете о Пушкине, чтобы ученики сами потом сказали, что он великий поэт.

- Я стараюсь. Понимаете, когда мне кто-то начинает толковать «великий, величайший поэт», у меня это вызывает скорее отвращение, чем любовь к этому поэту. Слова есть слова – они бывают обманчивы, и когда чувствуешь, что кто-то преувеличивает, когда чересчур много словесных украшений – то просто не верится. Мне тяжело донести до моих студентов, что Пушкин – наше все. Это для русских он – все.

- И для эфиопов.

- Ну да, эфиопы – они и православные, и ученые (смеется). Я стараюсь говорить о текстах Пушкина просто, объяснять, приближать студентов к этим текстам, чтобы они понимали, что именно читают. Не знаю, как это у меня получается, но думаю, что мастерство речи может обходиться и без пафоса, и без украшений. Я этого просто не люблю. Вообще мне ближе в поэзии позиция юридической или, может быть, юридствующего.

- Вы говорите это о себе или вы таких поэтов любите?

- И поэтов таких люблю. Мне очень по душе обэриуты – Вагинов, Олейников, Хармс, Введенский. Капитан Лебядкин мне нравится. Козьма Прутков. Я люблю поэзию-игру.

- И провокацию?

- И провокацию. Я не говорю о какой-то там графомании. Но написать стихотворение так, чтобы оно было и с юмором, и не было низким, и имело смысл – это, может быть, тяжелее, чем писать серьезную поэзию. И у меня просто такой характер. Я люблю провоцировать. И готов к тому, что люди иногда не воспринимают мои тексты так, как я хотел бы.

- А каким вы видите своего идеального читателя?

- Веселым.

- А как этот веселый читатель должен, например, относиться к бедам, которые могут случиться в его жизни?

- Само собой – без юмора. Вообще-то и о несчастьях можно иногда написать с юмором. Но это дело очень тонкое, и я никогда не пробовал. Но у меня часто в стихах появляются такие моменты, когда трагическое снижается или сглаживается...

- То есть вы снимаете любой пафос?

- Да. Может быть, потому, что я не все воспринимаю трагически. Кстати, очень плохо, когда поэт думает о своем читателе. Я даже не слишком стремлюсь к тому, чтобы меня кто-то читал. В последнее время мне неинтересно издавать что-то. Для меня важно написать и прочитано написанное кому-то. И все.

- А как вы пишете?

- Я никогда себя не заставляю писать. И вообще не считаю себя поэтом, точнее, не хочу о себе говорить «я – поэт». Мой круг друзей – это мой круг читателей, они понимают, о чем я пишу, они знают, что я воспринимаю

поэзию как игру – игру слов, значений.

- И никаких священных жертв и трепета?

- Нет-нет. Я хочу, чтобы поэзия не была насильственной и чтобы она была свободной. Поэзия без крыльев не может быть поэзией, и я стараюсь, чтобы крылья были – хоть какие-то.

- Значит, если я спрошу, кто вы по профессии, вы не скажете, что поэт?

- Нет. Я преподаватель литературы. Я литератор. Я должен писать литературоведческие статьи, это необходимо, поскольку я работаю в университете.

- Филологическое образование имеет значение для поэтического творчества?

- Я думаю, что именно филологическое образование может вредить поэту. В русской литературе очень много хороших поэтов и прозаиков с техническим образованием. Думаю, что эти литераторы свободны от ремесленничества в литературе. Я замечал, что у поэтов с литературоведческим образованием слишком все продумано, отшлифовано, рассчитано. И не хватает живости. А ведь поэзия стоит, держится на каких-то ошибках, неправильностях. На вопросах, а не на ответах. Все должно быть свободно размещено, свободно связано. А вообще я очень не люблю рассуждать о поэзии и умствовать.

- А я вас как раз к этому и вынуждаю.

- Вы меня заставили думать.

- Ну, тогда что-то попроще. Какими ветрами вас занесло в Словакию?

- Когда у меня вышла первая книжка в Словакии в переводе с русского на словацкий, один критик напи-

Валерий Купка

сал статью, в которой представил меня как русинского поэта, который родился в Украине, живет в Словакии и пишет по-русски. Так и есть. У меня несколько родных языков – мои родители говорили на украинском, бабушка с дедушкой – на русинском, русский звучал вокруг. Русины – это маленький народ, который живет на востоке Словакии. В свое время власти московские решили, что русины никакие не русины, а украинцы. По верованию греко-католики, они насильственным путем были переведены все поголовно в православие. А потом русинам заявили, что все они должны вернуться на родину – Украину, хотя никто никаких связей, ничего общего с Украиной не имел. Но людей начали вывозить. То есть сначала люди ехали сами, потому что условия были такие: если выезжаешь сам, можешь взять с собой все, что угодно, кроме дома и земли. Не захочешь

добровольно – тебя вывезут силой и без ничего. Именно так поступили с польскими русинами, которые отказались выезжать. Понимаете, это был в какой-то степени геноцид русинов... И я родился уже в Украине. А когда началась война в Афганистане, мои родители решили бежать, чтобы дети – мои братья и я – не попали на эту войну. И мы очутились в Словакии. Мне было уже 15 лет. Кстати, из нашей деревни трое были отправлены в Афганистан и не вернулись.

- *То есть родители вас спасли.*

- Спасли. Я это все время чувствую. Может быть, поэтому я и пишу веселые стихи. Если бы все произошло наоборот, я бы не говорил о поэзии так, как я о ней говорю.

- *Вы живете с семьей?*

- С женой и двумя детьми. У нас есть дом в деревне, мы туда ездим и подолгу не выезжаем. Я очень мало общаюсь вообще. Чем дальше, тем больше я пытаюсь забраться куда-то и не вылезать.

- *Вы нелюдим?*

- Да нет. У меня нет проблем с людьми. Просто когда все начинает повторяться, то возникает вопрос – зачем это нужно? Возникает впечатление, что убеждать людей в чем-то – напрасный труд, и не хочется терять напрасно свою энергию... Зачем? Было время, когда я этим увлекался, а потом почувствовал – боже мой, это же никуда не ведет. Сколько времени я растратил впустую, кому-то что-то доказывая...

- *У Блока есть прекрасная фраза – «Если надо объяснить, то не надо объяснять».*

- Такая позиция мне очень близка. У Блока в жизни ведь тоже в определенное время наступил такой перелом, когда все ему, видимо, просто надоело, и он был очень разочарован. Что делать, если вас не понимают? Ничего. Нечего объяснять и незачем. Я повторяю, это напрасная потеря энергии. А разочарование можно потом выразить в каком-нибудь тексте. И самым веселым образом. Русские поэты – очень серьезные, и воспринимают поэзию, как что-то божественное. А я в начале 90-х годов писал работу по московскому андерграунду – вот там меня и испортили. Это же экспериментальная, альтернативная поэзия. Мне удалось познакомиться с такими, на мой взгляд, великими поэтами, как Всеволод Некрасов, Генрих Сапгир, Геннадий Айги. С Айги мы подружились.

- *«У Айги две ноги»...*

- Да, это Некрасов написал. Айги был очень близким мне по духу человеком.

- *А Пригов?*

- Вот его я, кстати, не печатал. Потому что он непереволим. Это соцартовская поэтика. При попытке перевода на словацкий язык русским артефактам не находится соответствия. В таком случае надо просто писать новое стихотворение.

- *А чем они вас испортили? Может быть, они циники?*

- Кто-то да, кто-то нет. Это же зависит совсем не от поэзии, а только от характера человека, и ни от чего больше.

- *Значит, гений и злодейство – совместны?*

- Пушкин говорит, что да.

- *Пушкин этого не говорит. В конце этой фразы – знак вопроса. Он спрашивает.*

- Интересно, что в меня это вошло и интерпретировалось без вопросительного знака. Я думаю, что это возможно. Возьмите Льва Толстого. Писатель-гуманист, а как человек был довольно отвлечен. Или Достоев-

ский? Жить с таким в одной семье... Есть такая книга – «Психоистория русской литературы».

- *Нормальные встречаются?*

- Нормальные? Поэт должен быть ненормальным. Все-таки, я думаю, поэзия вмешивается в жизнь поэта.

- *Мешает жить?*

- Мне кажется, да. Чем больше человек сосредотачивается на поэзии, тем он дальше уходит от жизни. Мы с вами говорили, условно, о рациональной и душевной поэзии. Так вот, я думаю, что уход от жизни не грозит рациональным поэтам – они не попадают в ловушку поэзии, они ее контролируют. И они будут жить хорошей жизнью. А вот Цветаева, например, – жертва поэзии. Конечно, хорошую поэзию можно писать любым из двух способов. Как и плохую. Все зависит от уровня сосредоточенности. Тот же Блок – он уходил все дальше и дальше в лабиринты поэзии. Рождаются стихи, а внешняя жизнь пропадает. Есть поэты, для которых поэзия является проклятием.

- *А вам ваша поэзия не мешает жить?*

- Я не такой гениальный, чтобы она мне мешала. И я не пишу так часто. Своей поэзии я благодарен в первую очередь за то, что она свела меня со многими интересными людьми.

- *Как на фестивале, наверное?*

- Я здесь впервые, пока только начинаю вникать во все это и объективно судить не могу. Главное – поэты слушают друг друга. И для младшего поколения поэтов это особенно важно, потому что перед нашими глазами – великие примеры, такие люди, с которыми, может быть, никогда и не встретился бы, если бы не фестиваль. Другой вопрос – каких поэтов приглашать? На фестивале – очень разные поэты. Я, например, очень боялся – как меня воспримут? Я пишу для себя, не читаю своих стихов по-русски, и такое мое чтение здесь – со сцены, по-русски, к тому же перед русскоязычной публикой – было для меня впервые. Я не любитель фестивалей главным образом из-за выступлений – я немного боюсь сцены, не привык. Но этот фестиваль для меня имеет еще одно значение. Вернувшись домой, я собираюсь издавать грузинских поэтов. В Словакии мало что знают о современной грузинской поэзии. Понимаете, важно то, что вследствие этого фестиваля при посредстве именно русского языка возникает знакомство и сотрудничество. Без фестиваля этого бы не было. Единственное, мне кажется, что 10 дней – это много. Я не люблю отдыхать и не привык к свободному времени. Но это уже мое личное...

- *А вы в Грузии впервые?*

- Да. Я даже никогда не пролетал над Грузией.

- *Наверняка у вас было какое-то литературное представление о Грузии. То, что вы увидели здесь, соответствует вашим ожиданиям?*

- У меня романтическое представление о Грузии. Для меня Грузия – это горы, которые я очень люблю. Русины ведь тоже живут среди гор. Я родился на равнине, и когда впервые увидел горы, то от восторга дышать не мог. Видите, как я сейчас патетичен? Мне очень нравятся грузинские песнопения – это что-то удивительное. У меня есть диски с записями грузинского православного пения, я это обожаю. А грузинские танцы – просто чудо чудесное. Я даже не знаю, как можно извлечь из себя те движения, которые делают в танце грузины. Где это видели их предки? Это ошеломительно. А древние храмы на вершинах гор? Вот это и есть для меня Грузия.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ВАЛЕРИЙ КУПКА

ГРУЗ-И-Я
(разноритмие-разногласие)

загрузила грузия грузом гор
загрустила грузия словом глаз
и спустился с гор вечный спор
в гору крест несешь в сотый раз

замелькали мыслями голоса поэтов
завтра будут все они выходить на мцхету
завтра будут все они восклицать о мцхета!
о родная грузия! о мечта поэта!

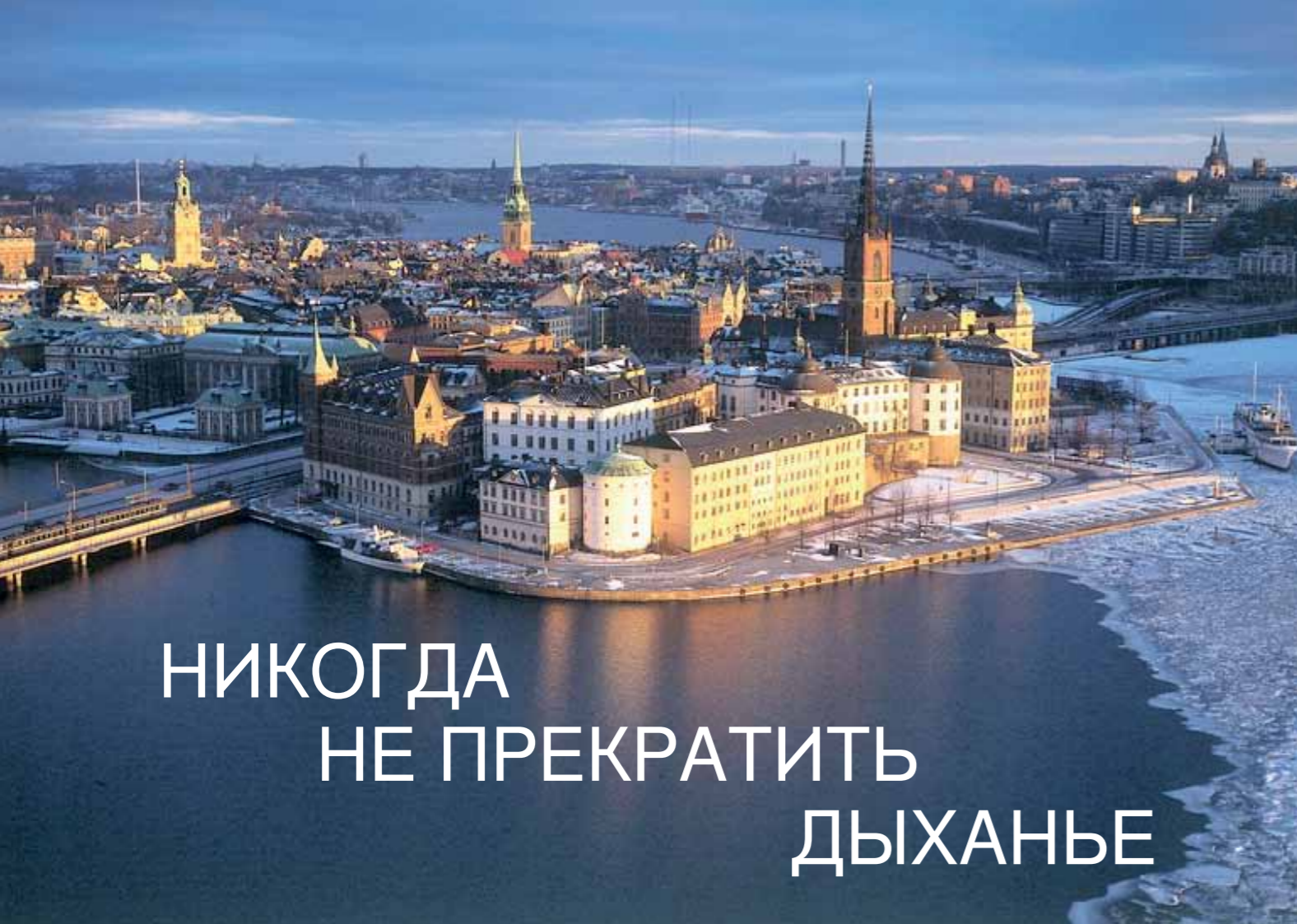
груз еды питья песен звон трезвон
слышен колокол от даров небес
море горы лес и с бельем балкон
и над этим всем дремлет грустный бес

древняя тоска и мольба как стон
в башнях храмовых рвется в небеса
подмигнул христос и задал вопрос
и ответа нет лишь луча ответ
над горой с крестом церкви каменной
шлет из тьмы совет: не ищи! ответ

не приносит свет понимания
черный взгляд христа страшен словно сон
сон от боли той на горе крутой
под которой две реки бурно с гор сойдя
образуют крест – боль распрятия

груз грузили грузии грузчики на плечи
вековечный груз каменных хребтов
что калечит вмиг то опять излечит
кто страдать готов воспрянет вновь

страдай ее страдай ее
страданием выстрадай
исстрадай страдально
о страдальники надстрадальные
пострадайте страдальностью
исстрадавшегося страдания
ради радости и
тишины понимания

НИКОГДА НЕ ПРЕКРАТИТЬ ДЫХАНЬЕ

■ **Арсений Ровинский.** Поэт. Родился в Харькове. Жил в Москве, учился в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина. Первая книга стихов «Собирательные образы» вышла в свет в 1999 году, на конкурсе «ТЕНЕТА-98» удостоена специального приза Михаила Айзенберга. Вторая книга «Extra dry» (2004) вошла в шорт-лист премии Андрея Белого. Публиковался в журналах «Соло», «Вавилон», «Крещатик».

“ беги что есть духу беги
только на первый взгляд это обычная бабочка обычное насекомое
тут и минуты достаточно через минуту ты просто не тот человек
что был в предыдущую ”

Арсений Ровинский (Резо Схолия)

Что-то «неладное в Датском королевстве» осталось в прошлом. Первые возникающие ассоциации с Данией – дворец Кронборг, он же замок Эльсинор, легендарный датский принц – шекспировский Гамлет, Русалочка в порту и сказочник Ханс Кристиан Андерсен... Из «героев» нашего времени – кинорежиссер Ларс фон Триер, писатель Питер Хег. И еще – с 1991 года в Копенгагене живет русский поэт Арсений Ровинский.

Язык всего лишь «карта человеческих мыслей, чувств и памяти». Не так ли? И мы, читатели, берем эту карту, разворачиваем и ищем путь. Quo vadis... Направо или прямо пойдешь – решать одному тебе.

Юг, север, восток, запад в твоём полном распоряжении. Большое счастье, когда встречаешь своего поэта. Неважно какой он эпохи, направления. Важно, что он твой.

Из старого света – да в новый свет,
безумной юлой в ночи.
Спасает язык, которого нет.
Захочешь кричать – молчи.

Сужает время зрачка забой,
ни пядь не вернешь, ни прядь.
Мне больше нечем дышать с тобой,
привычка все называть.

Знакомство с поэтами происходит по-разному. Ровинский – с ним сразу просто и легко. Он не назидателен и незаметно пытается настроить на свою волну, чтобы собеседнику легко было перейти по хрупкому мостику на его берег. До личной встречи с Арсением

нашла на литературном портале «Вавилон» (автор проекта – Дмитрий Кузьмин, поэт, критик, культуртрегер, главный редактор журнала «Воздух») стихотворение «Где тот театр...» Многие считают эту вещь авторским манифестом.

...Язык меняется, а мы стоим на прежнем,
смешном, аляповатом, неизбежном,
надеемся – прорвемся, переждем,
гербарии спасаем под дождем,

и голосом глухим и непослушным
лепечем что-то лепетом ненужным,
нелепыми вещами дорожим
при скрипе шестеренок и пружин...

И я там был, и спал, и просыпался.
Свет преломлялся и на мне сходилась.
Я видел – Станиславский засмеялся,
я помню – Немирович прослезился.

«Стихолоотно» Ровинского соткано из многих и многих разношерстных лоскутков. В его текстах становится разнополюсное, бессмысленное наполняется смыслом, безжизненное – жизнью. Ничего не бывает случайным. В нас помещено специальное хранилище, в котором откладываются нужные и ненужные до поры, до времени осколки жизни. А потом они выносятся на свет, и им находится применение. Всегда.

Здесь будет тайский ресторан,
а там – дурдом для хромоножек,
и тапочки из бересты,
и платья белые в горошек.
К весне бедняжку приберут,
уложат во хрустальный короб,
над коробом еловый сруб,
а рядом – огромный город.
Здесь будут фильтровать базар,
а там – лечить электрошоком,
и можно будет поводить
туда-сюда ленивым оком,
смотреть, но внутрь не заходить.

Здесь много ходов и выходов, подъемов и спусков, словно в лабиринте Минотавра блуждаешь и веришь в нить Ариадны, которая непременно приведет к необходимой тебе цели.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

...свет он везде также как тьма повсюду думает Бурчуладзе
руки и ноги начинают неметь язык заплетаться
а картинка плывет и плывет и не думает останавливаться...

Как пишет Охран Памук, «единственный способ для человека стать собой – это стать другим, запутаться в историях других...» Но можно и сочинить, создать свою историю. С 2003 года в русской поэзии появился новый автор. У него свой голос, своя манера. Его тексты нашли свой круг читателей. Автора зовут Резо Схолия. Именно восемь лет назад был открыт Живой журнал, в котором Резо публикует тексты, заводит новых ЖЖ-друзей. Первые год или полтора никто из литературного окружения представить себе не мог, что Резо Схолия и Арсений Ровинский – одно и то же лицо. Резо Схолия – новое имя на поэтической карте. Его зарисовки – от

третьего лица, в них много динамики, полета. Их герои – летчики, стюардессы, велосипедисты, просто пассажиры в транспорте, есть и сквозные персонажи. Они в постоянном движении, неизменным остается лишь авторское альтер эго. Само ожидание сквозит в текстах Резо. Многие словно в ожидании Годо – чего-то грядущего, но чего – не знают сами.

Женя Шевченко прислушивается к себе
у меня говорит все такое дрянное и очень ненормальное
как он войдет в подъезд мой убогий
в квартиру мою убитую?

все работало работало и вдруг поломалось
остается только ждать его
потому что кроме как ждать его ничего не осталось

Память – вещь удивительная, она избирательна, непредсказуема. В детстве Арсений с родителями был несколько раз в Грузии. А спустя много лет сотворил Резо Схолия. Бывают в жизни моменты, когда смотришь на себя со стороны, как бы абстрагируясь. И ты – не ты, а кто-то другой, способный увидеть то, что ты не можешь увидеть.

Семь дней творения, семь чудес света, семь строк в «Песнопениях Резо Схолия». Всего лишь семь строк и картинка оживает, слова начинают жить вне очерченной рамки.

оставил руки-ноги во дворе
повесил голову сушиться в коридоре
и отключил все датчики на ней

сквозь зрение невидимых зверей
он смотрит на физическом приборе
как облака по прихоти своей сливаясь
образуют море

И все-таки почему родился Резо Схолия, спросите вы. Пусть это останется тайной самих Ровинского и Схолия. Пусть она мерцает на дне семистиший. Тайное ведь не всегда должно становиться явным. Не всегда.

Как у Ровинского происходило знакомство с Тбилиси? Он словно считывал его, чтоб на подкорке унести-увезти его образ, его символику, его запахи... И город будет помнить, что по его улицам бродили многие русские поэты XXI столетия. И Арсений Ровинский в их числе.

«Скажите мне сначала, кто я! Если мне это понравится, я поднимусь, а если нет – останусь здесь, пока не превращусь в кого-нибудь другого!» Эти слова из «Алисы в стране чудес» как нельзя точно отражают мир русского поэта из Дании.

Даша везде находит секретные города
в повседневной жизни она отсутствует
например выходит на станции Павлодар
а внутри еще один Павлодар и только она одна
это чувствует

вот теперь ты на месте, Даша, теперь ты
сама по себе
для тебя одной здесь столько всего прекрасного
повторяет Даша сама себе

Алена ДЕНЯГА

РЕВОЛЮЦИЯ С ОПТИМИЗМОМ

Игорь Эбаноидзе – эссеист, переводчик и путешественник. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького, кандидат филологических наук. Главный редактор издательства «Культурная революция». Плодом его многолетней работы стал выпуск полного академического собрания сочинений Фридриха Ницше.

С разговора о немецком философе мы и начали нашу беседу с гостем IV Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Мир поэзии – мир без войны».

- Игорь, как вы думаете, Ницше был оптимистом?
- Да, если учитывать, что Ницше занимался утверждением жизни вопреки всему. Вопреки тому, в том числе, как складывалась его собственная жизнь. Думаю, человек, написавший, что «никакая боль не могла и не сможет уговорить меня лжесвидетельствовать против жизни», не мог не быть оптимистом. Вы знаете, я немножко про другое скажу. В работе над одним из значимых томов Ницше – «Так говорил Заратустра», я сотрудничал с замечательным редактором, Еленой Вячеславовной Ознобкиной, которая в последние годы своей жизни была прикована к инвалидному креслу. Она целый год занималась редактированием этого тома. В первый раз, когда я ее увидел, я поразился, что человек, будучи инвалидом, так ответственно подходит к работе, как, пожалуй, немногие здоровые люди, и еще меня поразило, что в ней жила надежда на выздоровление, хотя это была практически безнадежная болезнь. И это находится в некотором соотношении с

Ницше и той жизненной позицией, которую он декларировал.

- Как вам кажется, может, из Ницше, также как из Фрейда, сделали миф?

- Человек как правило оставляет после себя нечто предметное – пресловутые деревья, дома, детей. Иногда – книги. А герой оставляет нам миф. Но тех, из кого делают миф, обычно не очень хорошо понимают. Вообще, я думаю, люди на большой процент не понимают друг друга. Даже когда думают, что понимают, они скорее понимают собственные мысли. А когда речь идет об историческом наследии, состоящем из множества написанных автором произведений, в разной логике, в разной образности, то понять автора как целое, ничего не упуская из виду, почти невозможно. Что значит понимать Фрейда? У Фрейда много разных периодов в творчестве, так же как много было их у Ницше.

- А насколько вы его поняли?

- Я им продолжаю заниматься, потому что до сих

пор его не понял. Хотя и изучаю творчество Ницше давно, больше пятнадцати лет. Вот, поскольку я его не понял, я и продолжаю. А если брошу, только потому, что отчаюсь. Для меня особенно важен его человеческий образ. Мне кажется, что в отрыве от его жизни, внутренней биографии, структуры личности, его идеи невозможно понять адекватно. Ведь когда из учения Ницше вырастает, как это было в начале XX века, культ силы, это может быть и неадекватно по отношению к автору, если не учитывать, что это писал человек, всю жизнь страдавший всяческими тяжелыми недугами и всю жизнь их преодолевавший. И изготовивший своеобразную рецептуру счастья, здоровья – того, кстати, чем большей частью занимается восточная философия. Поздний Ницше, точнее, его автобиография «Ессе homo», когда-то в юности меня очень пугала. Мне казалось, что она на грани или уже за гранью болезненности, а сейчас, готовя соответствующий том, заново его переводя, я увидел насколько она адекватна. Надо понять задачу, которая стояла перед автором. Понять Ницше в целом – это задача сложная, а понять – с какой целью была написана та или иная книга – это возможно. Болезненная по какой-то преувеличенности своего жеста книга «Ессе homo» оказалась по своим задачам и целям совершенно здоровой и имеющей

Европу, предпринятой Наполеоном. Попытке, которую «проклятые немцы», как он пишет, провалили со своим национализмом, после чего Европа стала дробиться на маленькие государства. И хотя сейчас Европа объединилась, как предсказывал Ницше, но бывший Советский Союз продолжает, под влиянием этой бациллы национализма, дробиться и дробиться дальше. Так что любое национальное движение, которое попытается взять Ницше на вооружение, столкнется с сильнейшими антитезисами.

- Как вы интерпретируете постулат Ницше о том, что Бог умер?

- С юности, будучи воспитанным в религиозной традиции, будучи сыном священника, Ницше в Боге явно разуверился. Но при этом фраза «Бог умер», как это ни удивительно, не противоречит вере в бога. Думаю, Ницше ампутировал в себе веру в Бога ровно настолько, чтобы испытывать фантомные боли, но не иметь больше возможности преодолевать жизненную дистанцию при помощи метафизических подпорок. Вот ницшеанцы – например, Жорж Батай, продолжил эту идею с помощью атеистической мистики. А мистика в Германии тяготела к атеизму с самых своих истоков. В XIII веке Мейстер Экхарт так истолковывал отношения Бога и человека: «Бог ради нас сделался человеком, и никто не мог узнать в нем Бога – так и мы должны ради Него сделаться Богами, дабы никто не узнал в нас человеческого». Даже в народной немецкой песенке, обработанной романтиками, в цикле Мюллера «Зимний путь» есть примерно такие слова – лирический герой призывает смело идти сквозь бури и «если нет на земле Бога, то сами станем богами». Хотя до Ницше, согласитесь, еще далеко. Такое богоборческое отношение, не исключающее при этом существования Бога, бытовало давно. Поэтому, согласно Ницше, сверхчеловек, который по своему могуществу должен превзойти современного человека настолько, насколько последний превзошел обезьяну, должен прийти, чтобы эту функцию на себя возложить.

- В грузинской философской традиции в последнее время стало модно сравнивать Ницше с Важа Пшавела? Как вы на это смотрите?

- Насколько я знаю Важа Пшавела, здесь есть общее. Вы знаете, в грузинском менталитете живет

Александр и Игорь Эбаноидзе

важное практическое значение, так как в ней даются рецепты правильного подхода к жизни. Они помогают человеку повышать свое самоощущение, полноценность проживаемого.

- Ницше неправильно понят, потому что целенаправленно искажен?

- Проще всего с вами согласиться. Но на самом деле в нем действительно есть то, что можно исказить в ту или иную сторону. В нем есть зерно, из которого можно вырастить различные тенденции, вплоть до тоталитарной. Каким образом это происходило – другой вопрос. Есть много классических примеров искажения Ницше, до того грубых, что он оказался взятым на вооружение движением национал-социалистическим, и вот это есть как раз искажение безобразное, поскольку Ницше – человек принципиально антинациональный (вдобавок к тому, что антисоциалист). Во всех работах философа всегда было глубочайшее презрение к любому национализму. Говоря о политике, он снова и снова возвращается к великой попытке объединить

С Еленой Зейферт

Игорь Эбаноидзе

идея, что «добро должно быть с кулаками». Грузинское православие, при всей его глубине и искренности, довольно специфическое. В нем заложено понятие силы, гордого человека, борца, героя. Эдакий гордый одиночка, справедливый и лихой одновременно, абрек, с одной стороны – Дата Туташхия, с другой – Джаба Иоселиани. Это национальные архетипы. И они каким-то образом находятся внутри грузинской христианской традиции. Возможно, это связано с тем фактом, что в Грузии национальная самоидентификация в немалой степени обусловлена обитанием в мусульманском окружении. Это оборотная сторона постулатов непротвращения, смиренной образности Евангелия. Поэтому, такой герой, как персонажи Важа Пшавела, борцы, выдвигающие собственные принципы против всего, схожи с героями Ницше.

- Да, не таким уж Ницше был плохим, как все о нем думают ...

- Он был замечательным. Хотя нередко формулировал мысли так, чтобы большинство читателей подумало о нем плохо. Как в классической фразе про то, что «падающее нужно еще и подтолкнуть». Тут ведь так легко вместо «падающее» прочесть «падающего». И получается какое-то жлобство вместо техники безопасности на стройке нового, о чем там и идет речь. Вообще-то я столько лет провел с его текстами и биографией, что иногда возникает какая-то усталость. Даже любящим друг друга людям, живущим долго вместе, порой нужен глоток свежего воздуха. Вот так устанешь, а потом через три дня прочтешь какой-то его текст, и снова

испытываешь наслаждение. Ницше сам говорил – «У меня слова приправлены по-другому», там полутона очень важны. Если ты это слышишь, этого нельзя забыть и нельзя этому изменить.

- Расскажите, пожалуйста о вашем издательстве «Культурная революция».

- Издательство получилось очень эксклюзивным образом. Один человек, имевший огромный интерес к Ницше и возможность запустить издательство, предложил – давайте издадим полностью заново Ницше, а заодно будем издавать то, что нам интересно.

- Ну и что же вам интересно?

- В течение семи лет мы выпустили довольно много. Сфера наших интересов – философия, политика, литература и искусство. У нас есть чудесная серия «Классики современности». Первым в этой серии вышел Конрад Лоренц, замечательный австрийский зоопсихолог, который написал «Восемь смертных грехов современного человечества» - очень актуальную в наши дни книгу. Мы выпустили неизданного Томаса Манна, выпустили Жана Бодрийяра, Норберта Хинске, Этьена Жильсона, Серена Кьеркегора. Самым первым изданием в разделе художественной литературы была книга Гурама Дочанашвили. Недавно выпустили книжку с биографией Тенгиза Абуладзе. Планируем опубликовать Отара Чиладзе, так что, как видите, грузинская струя довольно существенная. А еще нас интересуют внеформатные новинки хорошей современной литературы, вне мейнстрима, но при этом превосходного качества.

- Когда вы начали писать стихи?

- Рано, лет в пятнадцать. В восьмом классе одна красивая девочка-одноклассница подошла ко мне и спросила – а ты ведь пишешь стихи? Ответить «нет» я просто не мог. В тот день я и начал писать. Раз ответил «да», значит надо. Правда, я уже лет десять не писал стихов. Все пришлось лет до тридцати. Примерно такой же перерыв был у Заболоцкого, если брать больших поэтов за образец, и уговаривать себя, что все еще будет. Если же говорить о предпочтениях, мне близка та сторона поэзии, которую принято называть философской лирикой.

- А грузинская тема в вашем творчестве присутствует?

- В основном в виде грузинских пейзажей. Я всегда говорю, что в России чувствую себя грузином, а в Грузии чувствую себя хорошо. В журнале «Вокруг света» родилась рубрика «Национальное достояние» - эссе о чем-то наиболее уникальном от каждой страны в масштабе всей планеты. Я написал о грузинском застолье и многоголосье. Главная идея в том, что грузинское застолье – это модель мироздания. Оно никогда не бывает удовлетворено своим потенциальным составом, оно всегда подразумевает большее, тягу к расширению и вбиранию в себя всего, до бесконечности. Есть у меня юношеское стихотворение, больше похожее на тост:

*Когда, как скорбный ангел на горе
Возникнет Джвари из-за поворота,
В душе вдруг что-то оборвется что-то,
Напомянь об иной поре...*

*Когда Светицховели впереди
Расправит крылья в гордом ликовании,
Былое перестанет быть преданьем,
И запылает факелом в груди.*

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Памятник Мирзе Фатали Ахундзаде в Баку

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТОЧ РАЗУМА

В 2012 году исполняется 200 лет со дня рождения Мирзы Фатали Ахундзаде (Ахундова), выдающегося писателя-просветителя, философа-материалиста. Статью о жизни и творчестве великого сына азербайджанского народа по нашей просьбе написал филолог-востоковед, доктор филологических наук, автор научных трудов по истории культуры старого Тбилиси Георгий Шакулашвили.

Еще не смолкло эхо рокового выстрела Дантеса, которое донеслось из России туда, куда обычно ссылали передовых людей общества, чтобы задушить интеллектуальную активность, как на тот пистолетный выстрел последовал сильный поэтический отклик под названием «На смерть Пушкина», не меньший, чем стихотворение М.Лермонтова «Смерть поэта». Его автором был в то время никому неизвестный 25-летний азербайджанец Мирза Фатали Ахундов, который смело выразил свою печаль и гнев по поводу трагедии, идейную солидарность с передовыми российскими кругами.

С именем этого юноши будет связано в дальнейшем создание и формирование азербайджанской литературной школы, национальной драматургии, новой реалистической прозы, критики, публицистики, филологии, литературоведения, эстетических критериев. Литературная и общественная деятельность Ахундова дала азербайджанскому народу удивительно щедрые и фундаментальные духовные всходы.

ЖИЗНЬ

Мирза Фатали Ахундов родился в 1812 году в городе Нухе. Ребенка, рано лишившегося отца, вырастил дядя, Хаджи Алескер, которого справедливо считали образованнейшим человеком своего времени. Он обучал племянника восточным языкам, арабскому и персидскому, различным предметам, а когда Мирза вырос, в 1825 году перевез его в город Гянджу. Здесь он сблизился с Мирза Шафи Вазехом, впоследствии известным всей Европе поэтом и ученым, чье влияние диаметрально изменило мировоззрение Мирзы Фатали. И заставило навсегда отказаться от восточных схоластических взглядов.

Хаджи Алескер продолжал заботиться о воспитываемом племяннике. Он в 1834 году привез Мирзу в тогдашний административно-культурный центр Закавказья Тифлис и устроил в канцелярию заместителя на Кавказе на должность переводчика восточных языков.

В то время Тифлис как внешне, так и в интеллект-

Мирза Фатали Ахундов в Тифлисе

туальной жизни наполнялся постепенно европеизмом, идеи просветительства, демократические чаяния меняли сознание. Искусство отображения духовного мышления переходило к анализу конкретных проблем, и реальная действительность настойчиво вторгалась во все сферы искусства.

Мирза Фатали в Тифлисе общался со многими передовыми людьми того времени, вращался в их кругах, и благодаря своему необыкновенному таланту сумел изучить вопросы новой эпохи, европейские интеллектуальные ценности и критически осудить отрицательные стороны общественного сознания Востока, которые связаны и опираются на средневековый традиционный фанатизм. Вся его 40-летняя творческая деятельность протекала под этим знаком. Ахундов был близок не только с представителями грузинской интеллигенции, но и с сосланными из России прогрессивно мыслящими личностями (А.Бестужев-Марлинский, Н.Раевский). Тифлисское культурное окружение, отличное знание восточных и русского языков оказали большое влияние на формирование мировоззрения молодого Ахундова.

Он основательно знакомится с европейской художественной литературой, европейским философским мышлением, что впоследствии успешно использует в своем творчестве.

О ПОЭЗИИ

Как и большинство мастеров художественного слова, Ахундов начинал путь в литературу со стихов. Первое значительное стихотворение, как считают, им написано в 1832-1833 годах, и в нем явно усматривается идейно-структурное влияние литературы Востока. Это хорошо видно по его названию – «Недовольство миром».

Стихотворение «На смерть Пушкина», второе по счету, как мы отмечали, написано в 1837 году, в нем заметно влияние традиционной восточной поэзии. Несмотря на эпохальность идеи, фиксацию передовых взглядов нового времени, в нем сохранена традиционно-элегическая распространенная на Ближнем Востоке форма касиды. В его избранных стихах, числом до тридцати, ясно прослеживается оригинальность ахундовского мышления.

Следует особо подчеркнуть, что Ахундов не увлекался стихосложением. С точки зрения интересов эпохи, объяснение этого надо искать в философско-политической сфере, когда просветительство средством объединения общества объявило образование человека и повышение интеллекта, когда искусству поручалось упорядочение жизни, на авансцену вышли ее содержание и идеология, а аристократический блеск рифмы переместился на задний план. Поэтому утвердился т.н. «белый стих». Замечательный исследователь грузинской литературы Вахтанг Котетишвили в связи с этой проблемой справедливо вспоминает Анри Мари Бейля-Стендаля, его повсеместно известное высказывание о необходимости примата содержания над формой.

Мирза Ахундов, как энергичный сторонник просветительства, разделял это мнение, и свой творческий талант использовал больше в жанре прозы. Хотя надо сказать и то, что он настолько склонялся к мнению об использовании принципов поэзии, что некоторых восточных поэтов эпохи Возрождения не относил к числу истинных творцов. Этим проблемам он посвящает свое письмо «О поэзии и прозе». Следует отметить, что Ахундов не одинок в своей точке зрения оценки литературного наследия прошлого.

РЕСТАВРАЦИЯ ПРОЗЫ

Восток – мир огненной поэзии. Такое сравнение прочтете в письмах любителей поэзии или профессиональных исследователей. Действительно, поэзия тайная стихия осталась настолько всепобеждающей, особенно после того как в произведениях художественного слова (XVI в.) утвердился лирический жанр, и даже чиновничьи акты писались в стихах. Этот процесс оказался настолько сильным, что начиная с XIX века просветительскому движению «Тысячи и одной ночи» понадобились большие усилия для реставрации прозы в литературном мире.

Лидерство в прозе в азербайджанском художественном слове опять же принадлежит Мирзе Фатали Ахундову. В 1857 году он написал повесть «Обманутые звезды», которая положила начало истории реалистической азербайджанской прозы. В повести с большим художественным мастерством, с использованием стилистических средств сатиры реалистически изображается современная ему азербайджанская действительность с одной стороны, и с другой – автором дан политический идеал государства. Написанию «Обманутых звезд» предшествовал 20-летний писательский стаж Мирзы, о чем свидетельствует художественное совершенство произведения.

«Эта повесть – лучший образец азербайджанской художественной прозы», - писал об Ахундове профессор К.Пагава в своем замечательном исследовании.

Действительно, это так.

ФИЛОСОФИЯ

Историческое значение М.Ахундова не исчерпывается его литературно-просветительской деятельностью. В 1850-60-х годах он увлекается философией и политической экономикой, изучает эти предметы, особенно труды европейских философов и ученых Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье, Ламартина, Гольбаха, Ньютона, Фарадея и других, что помогло ему утвердиться на позициях мыслителя-материалиста и атеиста. Его взгляды нашли наиболее яркое отражение в его философском трактате «Три письма индийского принца Кемал-Уддовле иранскому принцу Джелалуддовле и ответ последнего на эти письма» (1864-1875), написанном на фарси и после перевода на азербайджанский изданном в 1924 году в Баку.

В трактате автором поставлен не один существенный и животрепещущий вопрос, выражены материалистические идеи. Профессор К.Пагава отмечал, что трактатом Ахундов заявил о себе как первый великий писатель-просветитель, а потому его роль выходит за пределы родного Азербайджана.

РЕФОРМАТОР АЛФАВИТА

Двадцать лет и огромный труд понадобился Ахундову, чтобы подобрать арабский алфавит тюркским народам, а потом создать для них новый алфавит. Арабы тюркским народам наряду с исламом дали и свой алфавит, хотя он по своей конструкции не соответствовал их языкам. Это создавало большие проблемы в системе образования, и как следствие, большая часть населения не была обучена грамоте. Для Ахундова такое положение было нетерпимо. Он безудержно писал по этому поводу в академические круги различных стран, убеждая в необходимости реформы алфавита. В 1863 году посетил Константинополь и выступил с докладом в парламенте, но тщетно! Правящая элита посчитала реформу Ахундова посягательством на Коран и отказала. Ахундов продолжал борьбу, о чем свидетельствуют выписки из его записок:

«Пока я жив, пока дышу, не прекращу сражаться пером со стамбульскими визирями»; «Я уверен, мой алфавит займет почетное место в литературе Ближнего Востока».

Действительно, эта реформа языка была осуществлена в первой четверти XX века в Азербайджане и Турции.

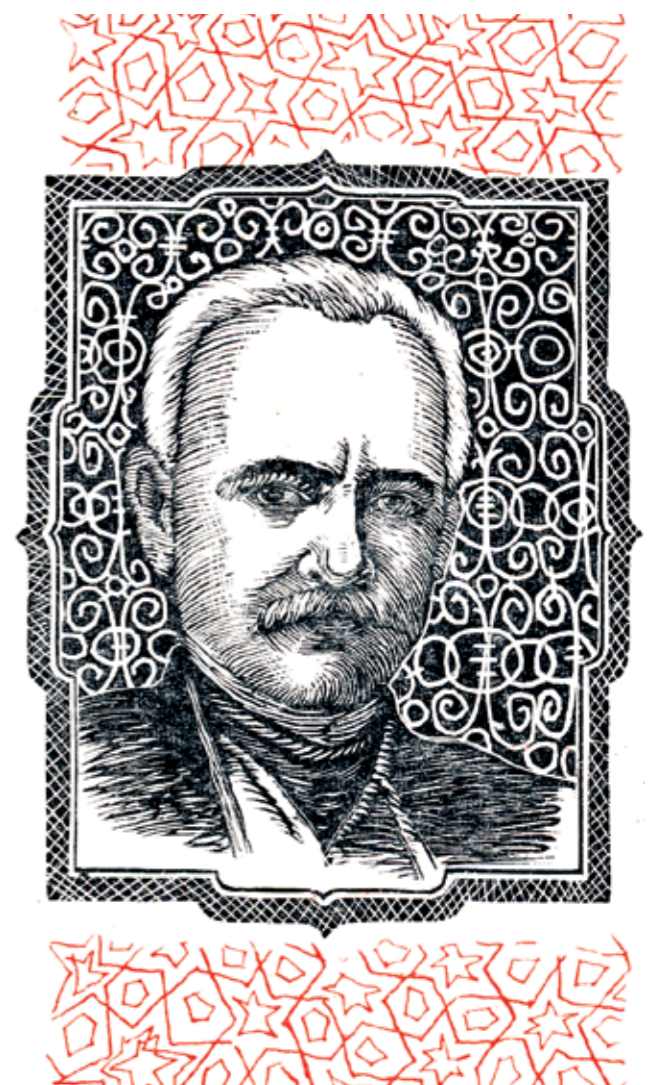
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Основателем литературной критики в Азербайджане считают все того же Ахундова. Прекрасное знание европейской и русской литератур убеждало его в том, что прогресс искусства полностью зависит от наличия объективной критики. Просветительство требовало от художественного слова создания правдивой картины, и независимая критика должна сказать свое слово. В конце XVIII века в литературе Ближнего Востока все еще преобладал традиционный взгляд – хвалебные касиды и сентиментальная любовная лирика. Путь к европейскому литературному мышлению достигается посредством критической мысли. Ахундов и в этой сфере создает прекрасные труды, объясняет роль критики и ее необходимость для развития общества. Его статьи

«Критические заметки» и «О поэзии и критике», «Критика пьес Малкум Хана» – прекрасные образцы литературного мышления. Автор утверждает, что критика способствует развитию реалистической литературы, а последняя – просвещению народа... «Наши поэты и писатели в результате развития критики начнут искать более жизненные сюжеты», - писал Мирза Фатали.

ДРАМАТУРГИЯ

В многоплановом творчестве Ахундова особое место занимает, особую идею выполняет драматургия. Он – основоположник этого жанра в литературе Ближнего Востока. В Закавказье этот жанр позже развился, к тому же под влиянием европейских стран. Не будем забывать, что это касается современной драматургии классического характера и драмы. Народная драматургия и народный театр и в Азербайджане, и в Грузии существовали много раньше (в Грузии Берикаоба, в Азербайджане Кос-Коса) и заложили основу этого жанра, и все-таки возникновение театра и драмы для того периода связано с просветительством. Упрочение этого жанра связано с зарождением капитализма. Вспомним комедии Георгия Эристави и Ахундова – «Скупой» и «Приключения скупого». Обе построены на одной и той же теме – уходе с политической арены побежденного феодализма и утверждению буржуазии, боли этого процесса.

Памятник М.Ф. Ахундову в Тбилиси

Талант Ахундова позволил ему увидеть, какую пользу может дать народу новый жанр – для улучшения его жизни, увидеть и написать за какое-то пятилетие шесть комедий («Молла Ибрагим Халил, алхимик», «Мусье Жордан, ботаник, и дервиш Мастали-шах, колдун», «Хаджи Кара» и др.). По мнению писателя, жанр комедии самое сильное литературное средство воздействия на людей. Ахундов показал в своих комедиях отрицательные стороны общества – фанатизм, суеверие, деспотизм, невежество, скупость. Мирза Ахундов боролся с этим уродством посредством сарказма, и именно поэтому его наградили самым почетным званием в этом жанре – сравнением с великим Мольером.

Заслуживает внимания, что драматургия Ахундова очень скоро увидела свет. Вторая комедия в русском переводе автора была напечатана в газете «Кавказ», а вскоре (1853) – и в отдельном сборнике.

АХУНДОВ И ТИФЛИССКОЕ ОБЩЕСТВО

Большую часть жизни и творчества Ахундов провел в Грузии, ее столице. Здесь создал свои труды художественного и научного характера, отсюда распространял на весь Ближний Восток свои идеи, здесь обрел бессмертие творца и здесь, в тбилисской земле, обрел вечный покой. Поэтому, если мы хотим узнать, откуда мыслитель черпал энергию, наполняя свое творческое и научное наследие, хотя бы в информационном плане должны знать окружение и интеллектуальный мир, в котором он пребывал.

Это знание должно опираться на два источника: круг и те люди, с которыми он общался, личные контакты тбилисцев с Ахундовым. Рассмотрим первый список, далеко не полный: это ссыльный офицер-декабрист А.Бестужев-Марлинский, поэт Я.Полонский,

основоположник нового литературного армянского языка Х.Абовян, поэт Л.Заболоцкий, председатель Кавказской археологической комиссии А.Берже, писатель и публицист Г.Церетели, историк и этнограф Н.Бердзенишвили, драматург и актер Г.Эристави. Это тот список, который известен историкам литературы, предположительно круг общения был гораздо шире.

Первым переводчиком Ахундова на грузинский язык был наш великий поэт Акакий Церетели, который перевел комедию «Визири Ленкорани» и опубликовал в своем журнале. И в дальнейшем грузинское литературное общество продолжало знакомить читателя с переводами Ахундова. Стихотворение «На смерть Пушкина» прекрасно перевел Иосиф Гришашвили и издал отдельной книгой в 1938 году. Переведены комедия «Приключения скупого», повесть «Обманутые звезды» (дважды), стихи... Так что, грузинскому читателю хорошо известны воззрения Ахундова.

Не менее значителен вклад грузинских ученых, особенно известного ираниста, профессора Константина Пагава.

Эти сухие факты прекрасно показывают интерес грузин к сфере, которая справедливо известна как художественное творчество.

И, наконец, один любопытный факт. Журнал «Мнатоби» опубликовал в 1962 году (№10) статью Василия Чачанидзе «Мирза Фатали Ахундов и Гр. Орбелиани», в которой рассказано о необычном событии...

В 1878 году, когда скончался Мирза Фатали, оби-

Фрагмент мемориальной доски

женное на него духовенство отказало в разрешении похоронить его на старом мусульманском кладбище в районе Харпухи. Тогда Гр.Орбелиани, почитатель творчества Ахундова, пригласил группу горожан, устроил кутеж по соседству с кладбищем, они тайно вырыли могилу и похоронили покойного, и даже устроили соответствующие поминки. События на этом не закончились. Гр.Орбелиани поручил одному горожанину каждый год для поминовения души Мирзы зажигать свечу на его могиле, что горожанином добросовестно выполнялось до глубокой старости, до 1941 года.

Приведенные в статье В.Чачанидзе факты не опираются на документы, а записаны по воспоминаниям современников, но разве такое трогательное напоминание нуждается в доказательствах?..

Георгий ШАКУЛАШВИЛИ
Перевел с грузинского **Арсен ЕРЕМЯН**

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ – ЛАУРЕАТ «РУССКОЙ ПРЕМИИ»

Президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий удостоен специального приза Оргкомитета и жюри международного литературного конкурса «Русская премия» - «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации».

Этим призом с 2010 года награждаются создатели культурных центров, фондов, архивов, издательств и изданий, организаторы наиболее успешных фестивалей, форумов и конференций в русском зарубежье как дальнем, так и ближнем. Николаю Свентицкому специальный приз Оргкомитета и жюри конкурса присужден за многолетнюю культурно-просветительскую деятельность, углубление двусторонних культурных связей между Грузией и Россией, организацию и проведение ежегодного Международного русско-грузинского поэтического фестиваля. Всего на соискание этого почетного приза было выдвинуто 15 номинантов, представляющих 7 стран.

Международный литературный конкурс «Русская премия» учрежден в 2005 году для сохранения и развития русского языка, как уникального явления мировой культуры и поддержки русскоязычных писателей мира.

Торжественная церемония награждения лауреатов состоится в Москве 24 апреля 2012 года.

Дорогой Николай! Поздравляю с «Русской премией»! Заслуженно и правильно. Мы делаем общее, крайне важное дело, и я с удовольствием вспоминаю чудные дни общения, поэзии, да и море, и вино. Теплейшие воспоминания.

Сердечно, Ваш **Андрей Грицман (США)**

С «Русской премией»! По-моему, самое справедливое решение из всех возможных.

Многая лета и любви Вам, и спасибо за все, что делаете.

Арсений Ровинский (Дания)

Дорогой Николай Николаевич! Поздравляю с «Русской премией»! Вы ее заслужили.

Ваш **Борис Херсонский (Украина)**

С Днем Поэзии, с Весной, с Новыми Надеждами!
Все на свете, друг мой, пустяки,
Музыка важна лишь и стихи!
Ваш **Юрий Юрченко (Франция)**

Пусть поэзия, которая рождается в чистых глубинах душ, дает всем нам крылья и силы, чтобы летать! Примите мой поэтический подарок:

*Дать бы зрелым словам все, с чем можно прозреть,
Развернуться бы верною строчкой.
Чтобы выжить в стихах – надо в них умереть,
Растворившись душою до точки.*

*Снова боль воскресить – и убить себя вновь,
В откровенье уйдя с головою.
И, над каждым созвучьем пролив свою кровь,
Стать кому-то надеждой живую.*

С добром и любовью, **Валентина Поликанина (Беларусь)**

Дорогой Николай Николаевич! Наш покровитель поэзии! Вы удивительный.

Ваша **Каринэ Халатова (Армения)**

Дорогой Николай, поздравляю со специальным призом «Русской премии»! Достоянная и заслуженная награда.

С уважением, **Евгений Абдуллаев (Узбекистан)**

Николая Свентицкого также поздравили заместитель председателя президиума Международного совета российских соотечественников, князь **Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания)**, главный редактор журнала «Знамя» **Сергей Чупринин**, главный редактор журнала «Новый мир» **Андрей Василевский (Россия)**, поэты **Александр Кабанов (Украина)**, **Александр Радашкевич (Франция)**, **Олеся Рудягина (Молдова)**, **Максим Амелин** и **Анна Золотарева (Россия)** и многие другие друзья и единомышленники.

«СНЫ О ГРУЗИИ» В МОСКВЕ

«Речь и речь нерасторжимы, как Борис и Тициан». Это – строка Беллы Ахмадулиной о Пастернаке и Табидзе как о символах неразрывных связей русской и грузинской культур. Поэт Юрий Ряшенцев считает, что именно она олицетворяла атмосферу вечера, участником которого он стал в московском ресторане «ГОТИНАЗА». В центре российской столицы, на Арбате, прошел этот вечер, получивший название от еще одной ахмадулиной строки – «Сны о Грузии».

Так назывался V Международный русско-грузинский поэтический фестиваль, родившийся в Тбилиси по инициативе Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» и Международной Федерации русскоязычных писателей. Сегодня, став уже ежегодным, он продолжает свое победное шествие и привлекает в свои ряды все больше русскоязычных поэтов из десятков стран. В то время, когда планету раздирают противоречия и странам совсем непросто договориться друг с другом, когда бушуют войны и не утихают волны протестных митингов, свое очень веское и проникновенное слово призвана сказать поэзия. Не знаящая ни границ, ни национальностей, ни рас, она говорит нам: «Люди! Взгляните, как прекрасна жизнь, дарованная вам! Давайте, любить друг друга! Давайте, дружить! Давайте, скажем «Нет!» войнам, междоусобицам, непониманию, озлобленности! Давайте, раскроем объятия друг другу, чтобы на многострадальной Земле, наконец-то, восторжествовал такой желанный всем нам мир!»

Именно с этим настроением в снежный, промозглый мартовский вечер в теплой обстановке зала «ГОТИНАЗА» встретились русские и грузинские поэты и писатели. Гостями их были префект Центрального административного округа Москвы Сергей Байдаков, который поддержал идею воссоздания постоянно действующего литературного салона с грузинской тематикой; журналист радио «Голос России» Надежда Ширинская, телеведущий, народный артист России Владимир Березин, другие москвичи. А вели вечер его организатор, участник поэтического фестиваля «Сны о Грузии» Лаша Чургулия и президент «Русского клуба» Николай Свентицкий. Звучали стихи двух наших дорогих Елен –

Исаевой и Ивановой-Верховской, автора этих строк, в других выступлениях поэзия перемежалась с рассказами о личном. Юрий Юрченко образно поведал о том, какую роль в его жизни сыграла Грузия, Юрий Ряшенцев поделился тем, как создавались некоторые его произведения, главный редактор журнала «Дружба народов» Александр Эбаноидзе, прочитавший стихи Галактиона Табидзе на его родном языке, говорил о неизбежности дружбы поэтов всех стран. Ярким и искрометным было юмористическое выступление Владимира Березина.

Поэзию нельзя себе представить без музыки. И музыка в этот вечер не уступала в дружеском состязании с поэзией. На небольшой эстраде царил великолепный джаз-бэнд «ГОТИНАЗА», поразивший виртуозностью и богатством репертуара. «Пленительные грузинские песни в исполнении Мананы Тодадзе – героини знаменитых мюзиклов Александра Басилая «Свадьба соек», «Аргонавты» - и молодых грузинских певцов Мамуки Чаушба и Андрея Лобжанидзе, блестящие импровизации на рояле Ники Никвашили», - таково впечатление поэта Ряшенцева о музыкальной части вечера. Именно он написал тексты к мюзиклам Басилая, и собравшиеся долго аплодировали знаменитым автору и певице, которые, к большому взаимному удовольствию, смогли встретиться на этом вечере.

Вообще же, нельзя не согласиться с Юрием Евгеньевичем: «Все это в очередной раз показало: нет нам жизни друг без друга, и ничто не может посорить русскую и грузинскую интеллигенцию, на протяжении многих лет являвших собой пример искренней и поразительно плодотворной дружбы...»

Это был вечер, окончания которого не хотел никто – настолько объединила всех встреча в грузинском зале в центре Москвы. Хочется, чтобы подобные поэтические вечера стали традиционными, потому что в наше тревожное, беспокойное время очень важно иметь такое замечательное место встречи, которое изменить нельзя.

Заур КВИЖИНАДЗЕ

ГРУЗИНСКАЯ ЛОЗА ПО ИМЕНИ МЕДЕЯ

Джемал Сепиашвили: «Она создавала на сцене целый спектакль»

В течение долгих лет мы, моя семья были очень близки с Медеей и семьей Дзидзигури. А песни украшали наши взаимоотношения. Слава Богу, что это было, и наши с Медеей дуэты остались в золотом фонде грузинского песенного творчества.

Медеей была человеком особой внутренней красоты, необыкновенной души, человеком, дарящим людям добро. Я не могу сказать, что у нее были необыкновенные вокальные данные. Однако она настолько раскрывала слушателю свою душу в песне, так рассказывала ему о чем-то прекрасном, что буквально заворачивала своим пением. Русский романс – тема особого разговора. Да, в Грузии существует давняя традиция исполнения русского романса. Русские даже говорят, что грузины лучше всех поют русские романсы. Да, у нас было и есть немало певцов и певиц, замечательно исполнявших и исполняющих русские романсы, но я считаю, что Медеей Дзидзигури в этом жанре неповторима. Это был целый спектакль!.. Каждому слову романса Медеей придавала какой-то особый, неповторимый смысл. Когда она исполняла «Шелковый шнурок», то необыкновенным образом интонировала каждое слово. «Разве в том была вина моя?» - вопрошала Медеей. И это была интонация, присущая только и

В феврале выдающейся певице, народной артистке Грузии Медее Дзидзигури исполнилось бы семьдесят лет. На страницах «Русского клуба» о ней вспоминают ее друзья и коллеги.

Медее Дзидзигури

только ей. Выраженная мысль обретала новую краску – ту, что, возможно, не имел в виду сам композитор... Десятки лет я слушал романсы в исполнении Медеи и могу смело сказать, что один и тот же романс в ее трактовке каждый раз был совершенно другим...

Когда я работал в Москве старшим советником по культуре Посольства Грузии в России, то Медее уже была директором и художественным руководителем Дома работников искусств Грузии. В тот период был подписан меморандум о сотрудничестве между московским ЦДРИ и тбилисским Домом, и это событие было отмечено солидным концертом Медеи Дзидзигури в знаменитом ЦДРИ. Зрители кричали от восторга – в буквальном смысле этого слова!

Я бы очень хотел, чтобы в наше время были певцы, которые так же любили бы свое дело, так же ценили своих коллег, так же помогали им, как это делала Медее. Я бы мечтал, чтобы в Грузии было как можно больше певцов, любящих свою родину так, как она, и желающих, чтобы Россия и Грузия дружили.

Когда я говорю о помощи, то имею в виду творческую помощь. А это дорогого стоит... Я могу назвать не одного деятеля культуры, который никогда никому не помогал. Да потому что бояться... а вдруг кто-то добьется большего, чем они?... Медее же учила других петь буквально по фразам, бери, только бери! И в этом ее самое большое достоинство.

Я не люблю, когда про женщин говорят, что они мужественные. Но иной раз это слово приобретает особую краску в отношении женщин – прежде всего, таких женщин, какой была Медее Дзидзигури. Когда меня избрали председателем профсоюза работников культуры Грузии, мне поручили вернуть Дом работников искусств профсоюзам, – определенная группа людей незаконно присвоила его. Перед тем, как это

произошло, Медее была художественным руководителем. Три года вместе с ней мы боролись за то, чтобы Дом вернули. Три года шли суды, и все это время Медее, как воробушек, сидела рядом со мной. Она внесла огромную лепту в то, чтобы сегодня этот Дом принадлежал людям. Мы сделали для этого все, и мне удалось вернуть Медее на прежнюю должность. Медее стала худруком и директором ДРИ. Когда я подписывал приказ о назначении, то спросил ее: «Медее, а может, тебе это не нужно? Ведь этот Дом проклят!» – «Нет, Джемал, мне это нужно. Я же всю жизнь об этом мечтала. Ведь я смогу делать людям много добра!» Буквально через несколько дней я созвал президиум и попросил, чтобы меня освободили от должности председателя профсоюза работников искусств Грузии. Я устал: столько пришлось пережить! Потом я уехал в Москву и стал работать в посольстве Грузии. А Медее в то время, когда страна переживала страшные трудности, когда не было тепла и света, сумела создать в Доме работников искусств настоящий оазис добра и творчества. Проводила незабываемые творческие вечера при свечах. И все были счастливы. Это было неповторимое время! Медее была счастлива, что получила возможность делать людям добро. К сожалению, большинство людей идет на все ради наживы, ради денег. А вот Медее вела себя иначе: она только отдавала. Например, украсила ДРИ – привезла туда мебель из своего дома, канделябры, сервизы.

...Я считаю что если бы Медее была жива, то того безобразия, что царит сегодня в нашем так называемом шоу-бизнесе, не было бы. Медее была резкой, когда это было необходимо, и полной любви, когда нужно было выразить свои чувства. Она никогда ни к кому не испытывала чувства зависти, всегда была счастлива услышать песню, русский романс в хорошем, достойном исполнении.

Гия Чиракадзе: «Ее главным качеством была доброта»

Какой Медее была замечательной певицей, всем известно. С ней было легко и приятно дружить. Она умела быть другом. Впрочем, еще наши далекие предки были связаны какими-то отношениями – мой прадед был знаком с бабушкой Медеи, актрисой немого кино. И когда я приходил к ним в гости, то видел на стене фотографию, на которой был запечатлен мой прадед Телемах Гуриели... Так что нам с Медеей сам Бог велел дружить. Медее могла подставить свое плечо в трудную минуту. Была очень надежной. Всем хотела помочь и очень многим помогла. Не забуду вечер, который она устроила своему отцу. Акакий Дзидзигури был уже безнадежно болен. Но Медее собрала певцов, все много пели... Это был прощальный, но не грустный вечер. Напротив, это было проявление любви к жизни. Акакий Дзидзигури показал пример того, как нужно держаться в тяжелых обстоятельствах – достойно, мужественно. А когда заболела Медее, это было для всех полной неожиданностью. Я навесил ее в больнице. Медико была полна надежды и энтузиазма. «Вот сделаю вторую операцию и начну работать!» Однажды мы пришли к ней вместе с моим другом Джумбером Чолобардия – Медее его очень любила. И она открыла нам секрет: «Когда приходит слишком много посетителей и среди них те, кого я не очень хочу видеть, то обычно прикидываюсь спящей. А вот вы пришли – дело другое!» К сожалению, это было наше последнее свидание...

Медее вела свой Дом работников искусств на вы-

сочайшем уровне! Из разваливающегося здания она сделала «бонбоньерку». Помещение отапливалось – Дзидзигури находила спонсоров и приобретала на всю зиму топливо. По дружбе. Это были тяжелые времена, но у нее действительно было очень много друзей.

Мы с Медеей много ездили, выступали. В те времена артисты очень мало зарабатывали, и нам устраивали такие вылазки – так называемый «чес». Как-то приехали в Цхалтубо, где находится бальнеологический курорт, и давали в день по три-четыре концерта. Медее умела зарабатывать, но умела и тратить, была широкой натурой. Все шло от семьи. Когда бы мы не пришли к Дзидзигури, у них всегда были гости. На одной площадке жили отец, мать, бабушка, а Медее проживала в квартире напротив. И двери были всегда открыты!

Однажды Медее за несколько дней до моего юбилея принесла стопку пригласительных билетов на мой творческий вечер «Пригласи, кого хочешь!» – сказала она. Медико сама все организовала, пригласила гостей. Я был очень тронут ее вниманием!

Помню вечер, который она устроила на сцене театра имени Грибоедова. Это было лет двадцать тому назад. Она пела песню на слова Юрия Мосешвили. Я вел этот вечер, и Медее посчитала нужным, чтобы мы вместе станцевали в проигрыше песни танго!..

Года полтора Медее пела у Константина Певзнера, и я впервые вывел ее на большую сцену. Это произошло в московском Театре эстрады. Я вывел Медее к зрителям и поцеловал ей руку. И певица потом об этом всю жизнь вспоминала.

Медее была замечательной артисткой. Когда актер выкладывается, когда он перед тобой как на ладони, публика это чувствует. Она воспринимает любую мелочь. Медее всегда принимали очень тепло, тем более, что она пела русские романсы. Какая это замечательная традиция, когда грузинки исполняют русские романсы! Тамара Церетели, Кето Джапаридзе, Нани Брегдадзе...

Роин Метревели: «Она все делала от души»

Вначале это была просто хорошая девушка. Она училась в инязе, где в 60-е годы была знаменитая самодельность, в которой были замечательные певцы, оркестр, квартет... Как-то у нас были гости, и мы сидели в ресторане «Салхино». И Медее была с нами. Медее пела. Выступал и ансамбль дудукистов под руководством Гриши Ксоврели – певцы исполняли популярную городскую музыку, и я предложил Медее спеть под аккомпанемент дудуки. Сначала она это не восприняла, даже намурилась. Но потом все-таки согласилась и получилось прекрасно! С тех пор певица часто выходила на сцену вместе с ансамблем Ксоврели.

В 1968 году Медее была в составе делегации, принимавшей участие в IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии. От Грузии были представлены мужской вокальный ансамбль «Гордела», руставские танцоры. В Болгарии впервые заявили о себе Маквала Касрашвили и Зураб Соткилава. Медее замечательно выступила в конкурсе русских романсов и получила первый приз. Потом состоялся гала-концерт, и Медее Дзидзигури исполнила несколько песен. Ее вызывали на «бис»! Помню, что она спела известный романс «Шелковый шнурок». Закончив выступление, Медее ушла со сцены под гром оваций. Глава Болгарии Тодор Живков, под впечатлением от услышанного, подошел к певице и поцеловал ей руку... «Ты знаешь, кто тебя поздравил?» – спрашиваю. «Кто?» – «Сам Тодор Жив-

ков!» – «Да? О, если бы я знала, то тоже поцеловала бы его!» – рассмеялась польщенная Медее.

Она выросла в интеллигентной семье – мать, профессор, преподавала иностранные языки. Отец был в разное время директором киностудии, заместителем председателя комитета радио и телевидения, заместителем министра культуры Грузии, руководителем Национальной библиотеки Грузии... Медее формировалась в высокодуховной атмосфере.

Гига Лордкипанидзе: «Мастер русского романса»

Для меня Медее – замечательный человек, широкая натура и, конечно, изумительная певица, необыкновенный мастер исполнения русского романса, к тому же очень близкий нам по семейным связям. Мы очень ценили и ее отца Како Дзидзигури.

Медее часто устраивала прекрасные вечера. С ее приходом в Дом работников искусств он буквально ожил. Она была фанатично влюблена в его дела! Для меня Дзидзигури – выдающаяся личность, которая умела ценить искусство и служить ему. У Медеи была особенная, неповторимая манера пения, которая отличала ее от других исполнителей. Грузинское женское пение, особенно исполнение русских романсов, популярно во всем мире. Я имел счастье слышать Тамару Церетели, бывать у нее дома, известны такие замечательные исполнители русских романсов, как Кето Джапаридзе, Нани Брегдадзе... В этом ряду – неподражаемая Медико Дзидзигури, всю себя посвятившая песне и замечательный организатор. Ранний уход Ме-

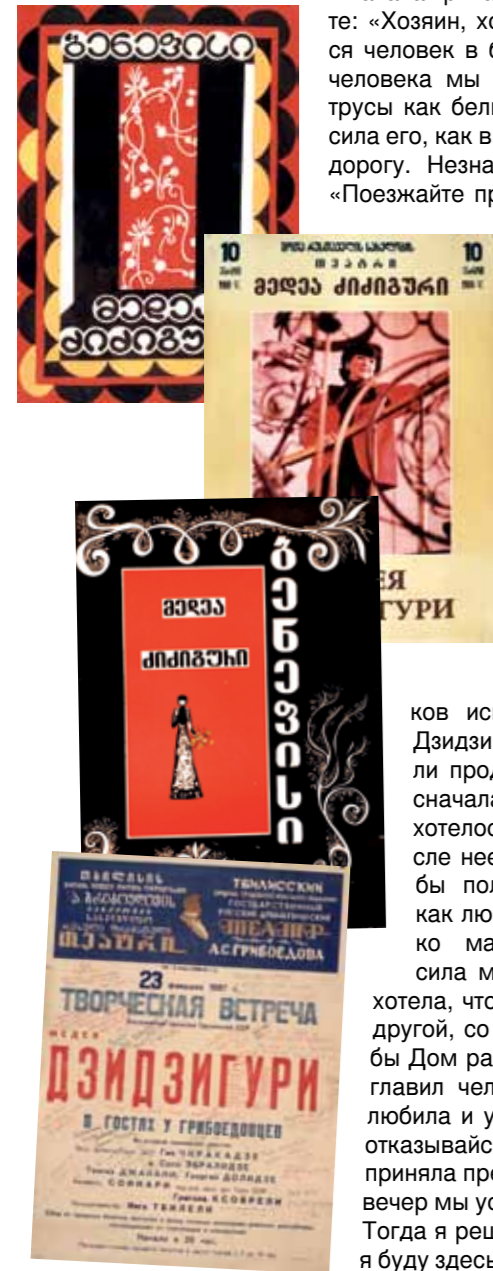
деи – большая драма для всех.

Нуну Габуния: «Медее была озорным, жизнерадостным человеком»

Никто не сравнится с тем, как Медее исполняла русские песни и романсы. Лучшего исполнителя мне редко доводилось встречать. Медее всегда была соавтором композитора, тонко чувствовала каждое слово, фактически предлагала мини-спектакли. Она была чудесным музыкантом, хотя не играла ни на одном инструменте. Медее очень тонко чувствовала музыку. Кстати, она была первой исполнительницей моих песен.

Расскажу историю, свидетельствующую о жизне-

радостном характере Медеи. Мы выступали в Вани, потом был банкет, после чего мы уехали на двух машинах – я была за рулем «Жигулей». Гия Чиракадзе, Темур Цагурия, звукорежиссер – уехали раньше. Слунилось так, что Медея Дзидзигури, я и еще одна наша спутница разминулись с ними, и я не знала, куда мне ехать. Уже была полночь. Заехали в лес, затем выбрались к какому-то дому. Медея попросила остановить машину, чтобы кто-нибудь нас сориентировал. Вышла

и начала кричать в кромешной темноте: «Хозяин, хозяин!» На зов появился человек в белых трусах – самого человека мы не разглядели, только трусы как белый флаг! Медея спросила его, как выехать на центральную дорогу. Незнакомец объяснил нам: «Поезжайте прямо, потом поверните на восток!» Как будто ночью, в лесу, мы можем понять, где восток, а где запад... Даже луны не было видно! С Медеей началась настоящая истерика – она стала безумно хохотать, присев у забора. Мы тоже стали хохотать, забыв о своих страхах.

Медея обожаемая возглавляемый ею Дом работников искусств. После смерти Дзидзигури мне предложили продолжить ее дело, но я сначала отказалась. Мне не хотелось приходить туда после нее – я никогда не могла бы полюбить этот дом так, как любила его Медея. Однажды мать Медико очень просила меня согласиться – не хотела, чтобы туда пришел кто-то другой, со стороны. «Я хочу, чтобы Дом работников искусств возглавил человек, которого Медея любила и уважала. Я умоляю, не отказывайся!» - убеждала она. И я приняла предложение. Первый же вечер мы устроили в честь Медеи. Тогда я решила: каждый год, пока я буду здесь, мы будем собираться и вспоминать Медею Дзидзигури. Все певцы, участвующие в вечере, согласились со мной. И правда, в течение трех лет мы устраивали такие концерты. А потом я просто ушла из дома...

Гия Джохадзе: «Ее место на эстраде вакантно»

Мне довелось дружить с представителями трех поколений этой семьи. Сначала – с Акакием Дзидзигури, первым директором грузинского телевидения, совершенно потрясающим человеком с энциклопедическими знаниями. Он прекрасно, профессионально пел – понимал, чувствовал тексты разных песен, оперных арий. Я работал штатным корреспондентом Грузин-

ского радио и часто приглашал его в студию. Он делился воспоминаниями, рассказывал, как его дважды снимали с должности – за пропаганду буржуазной музыки. Он вспоминал об этом с улыбкой... Сейчас продолжаю дружить с его супругой, которая, слава Богу, жива. Дружеские отношения связывают меня с сыном Медеи, Бидзиной Бараташвили – мы долго вместе работали.

Мое знакомство с Медеей произошло в связи с моей работой на радио. Была такая передача, довольно популярная – «Час пик». Моя небольшая рубрика была связана со стихами, которые стали песнями. Я встречался практически со всеми представителями грузинской эстрады, в том числе с Медеей. «Я тебя ждала, заходи!» - просто сказала она, когда я пришел к ней для интервью. Этот разговор состоялся сразу после трагического 9 апреля. У Медеи были гастроли в Израиле, но она прервала их и вернулась в Тбилиси. Сказала, что не могла петь.

Как могло случиться, что в Грузии есть две вершины исполнения русского романса – Нани и Медея? И как они могли не просто мирно сосуществовать, но любить и ценить друг друга? Как она чувствовала текст! Это были маленькие спектакли. Сыграла свою роль семья. Первым ее концертмейстером была бабушка Чута Эристави – звезда грузинского немого кино. Отец Чуты был предводителем грузинского дворянства. Она и обучила внучку этим прекрасным романсам, тонкостям, нюансам исполнения.

Медея болела душой за грузинскую культуру. Помню, как грузинский ансамбль «Форте», выступавший в Москве, приехал в Тбилиси. Музыканты «Форте» были моими друзьями, и я вел этот вечер вместе с Медеей. Услышав в их исполнении замечательную песню, она даже заплакала. И сказала с болью: «Объясни, почему так должно происходить? Они ведь на пике своих творческих возможностей и должны быть в Тбилиси!»

Я иногда думаю: ведь Медея уступила Нани – не поехала в Москву. А если бы все-таки поехала, то сегодня были бы две грузинские звезды, известные в России. Конечно, с профессиональной точки зрения очень обидно – Медея могла бы добиться большего.

Когда я работал диктором Грузинского телевидения, то иногда вел концерты в филармонии. Помню, в одном из таких концертов участвовала Медея. На репетиции она вдруг сказала, что ей нравится одна песня, которая звучит в фильме «Веселый роман» - «Мимгерераме». «Я ее пою в фильме, но никогда не исполняю на эстраде. Это плохо! Вот хочу на этом концерте спеть эту песню. Найдите мне партнера, который выступит со мной в дуэте!» - распорядилась Медея. А я с детства пел эту песню, любил ее и почему-то подумал, что это мой шанс! Преодолевая робость, я сказал, что смогу выступить. Причем не с кем-нибудь, а с самой Медеей. В итоге мы спели дуэтом и нам сопутствовал успех. Никогда не забуду, каким она была замечательным партнером. Пока мы пели, она все время держала мою руку в своей, чтобы я не сбился с такта, - ведь перейти с разговорного жанра на вокал и петь с оркестром без соответствующего навыка было непросто. Так что даже это счастье было в моей жизни – я пел с Медеей на сцене!

Последняя моя встреча с Медеей произошла, когда она уже лежала в больнице. Я пошел к ней вместе с моим другом. Она очень обрадовалась нашему приходу, мы много шутили, смеялись. Медея говорила, что собирается в ближайшие дни вернуться домой. При-

ближался праздник Рождества. «Если не по старому, то по новому стилю буду обязательно дома!» - пообещала Медея. Я хотел уйти, чтобы дать ей возможность отдохнуть. «Оставайся, мне жаль расставаться с тобой!» А перед уходом поговорил с глазу на глаз с лечащим врачом, спросил: «Как вы думаете, когда она вернется домой?» - «Она же сказала вам, что через несколько дней!» - «Пожалуйста, скажите мне правду!» - «С ней все хорошо!» - успокоил врач. Думаю, врач не сказал мне всей правды... А тогда я ушел из больницы с надеждой на лучшее. Через три дня Медеи Дзидзигури не стало. До нынешнего дня ее место на эстраде свободно. Ни у кого нет голоса такого тембра!

Джансуг Чарквиани: «Явление Медеи»

Явление может быть зимой, которой сопутствует тепло. На свете существует много явлений, Медея Дзидзигури была таким же явлением, как весна, полная тепла и цветения. Свое одиночество Медея преодолела песнями. Холодная сила и энергия, свойственные ее личности, превратились в идеальную красоту и поэтическую гармонию. Ее творчество было похоже на грузинскую лозу... У этой лозы было имя – Медея.

С детства у нас были близкие отношения, я ценил ее характер, ее грузинский дух, творчество. Она не раз звонила мне и говорила, что у нее новая песня, и она хочет украсить ее моим стихом...

Однажды произошло удивительное: Медея спела мне по телефону песню, текст которой ей не нравился, и попросила быть автором... не текста этой песни, но стихотворения. Она знала, что я не писал текстов для песен. Напротив, песни писались на мои стихи. Но как я мог отказать Медико? Через час по телефону я спел свои стихи: «Снова уходишь, снова отдаляешься...»

Позже, перед смертью (как оказалось, это было перед смертью!) Медеи я поговорил с ней по телефону и спросил, как она. Она сказала, что ей предстоит операция, и тогда будет все ясно. В конце я сказал Медею: «Не пой эти мои стихи!» Она засмеялась. Да, она рассталась со мной, смеясь...

Грузия потеряла в лице Медеи прекрасного исполнителя грузинских песен, Россия – блестящего исполнителя русских романсов. Я хорошо помню слова Беллы Ахмадулиной: «Если хотите почувствовать душу русского романса, послушайте грузинскую певицу Медею Дзидзигури».

Медея Дзидзигури была явлением и весной, по которой стосковались...

Заур Квицинадзе: «Ее жизнь – яркий, запоминающийся миг!»

Вспоминаю Медею Дзидзигури, не могу не отметить ее удивительную простоту и общительность. Медею любили все, кто хотя бы один раз присутствовал на ее концерте или слышал ее замечательный голос в записи. В период ее популярности я работал литературным редактором Тбилисского театра им. А.С. Грибоедова. Медея была частым гостем нашего театра и не раз выходила на нашу сцену в сборных и сольных концертах. Неподражаемая манера исполнения романсов и песен завораживала зрителя и заставляла его соперничать прекрасной певице, которая раскрывала перед нами самобытность и неповторимость каждого произведения. Моя жена Валентина Кудряшева в те годы, будучи студенткой Тбилисского циркового училища, вместе с однокурсниками участвовала в гастролях Медеи Дзидзигури, купаясь в лучах славы популярной певицы и радуясь общению со звездой, лишенной тщеславия и гонора. Судьба отмерила Медею очень недолгую жизнь,

С Джемалом Сепиашвили

но ее жизнь – удивительно яркий и запоминающийся миг для всех, кто оказался рядом с ней. И я очень горжусь тем, что общался, дружил с этой прекрасной женщиной, и что в ее репертуаре была и моя баллада «Маска Коломбины».

Тенгиз Джаиани: «О ней можно говорит без конца»

Медея уже тяжело болела, лежала в больнице, доживая последние дни, когда композитор Инола Гургulia выразила сожаление о том, что Медея не успела записать ее песню «Человек», хотя эта песня замечательно у нее получалась... И вот решили все-таки восполнить пробел – записать песню. «Сможем?» - спросила Инола. «Конечно, сможем!» - заверил я. Помню, как пришел после работы домой, просидел всю ночь и написал оркестровку, сделал аранжировку. А утром записали песню в студии. Медико сидела с нами, пока мы записывали оркестр – со скрипкой. В тот же день мы все закончили – фонограмма оркестра была готова! И наложили сверху голос Медеи. Потом Медея дала послушать запись Иноле. Наверное, это была последняя радость в жизни Медико перед ее уходом.

Помню, что все работали тогда, как одна семья – режиссеры, звукорежиссеры. Потому что знали, для чего это делается. Когда я рассказываю об этом сейчас, у меня мурашки бегут по телу. Это ведь было за несколько дней до кончины Медеи! А песня «Человек» - философская. В ней говорится о том, что сначала была улыбка, потом – мелодия, потом – любовь. И все это создал человек. В песне были не только хорошие слова, но и очень приятная мелодия.

Мы дружили семьями, часто собирались компанией. Дружба началась с давних пор – с того времени, когда Медея еще училась в институте. А будучи какое-то время в ансамбле «Рэро», она пела русские романсы под мой аккомпанемент фортепиано.

Пик нашей дружбы пришелся на период, когда я руководил оркестром радио и телевидения, и мы вместе с Медеей проводили очень интересные концертные программы в филармонии. Мы дали несколько концертов, и они прошли на ура. Это был творческий расцвет Медико! Тогда она пела дуэтом с Зурико Цискаридзе, Темуром Татарашвили...

Дзидзигури была талантливейшим исполнителем грузинских песен и русских романсов... Более душевного, отзывчивого человека я в своей жизни не встречал.

**Материал подготовила
Инна БЕЗИРГАНОВА**

ТРЕТЬЯ ВЫСОТА

Перед заключительным упражнением штангистов первого полутяжелого веса в Барселоне пружина интриги была закручена на редкость круто. Чемпион мира Сергей Сырцов на 12,5 кг опережал Кахи Кахиашвили, и, казалось, судьба большой золотой олимпийской медали была решена.

Правда, грузинский атлет исключительно силен в толчке и сдаваться на милость победителя не собирался. На открытом первенстве СНГ, в Санкт-Петербурге, он опередил Сергея, ушедшего в отрыв после своего коронного движения рывка на 10 кг.

Есть еще одно важное обстоятельство. Кахи на 200 граммов легче соперника, и в случае равенства суммы двоеборья рассудить их должна была эта форза. Но пока первым на помост выходит Сырцов. Начинает со 177,5 кг. Потом поднимает 180 и 190. Последний вес превышает олимпийский рекорд. У россиянина великолепная сумма – 412,5 кг. Но не будем спешить поздравлять его с победой.

У 23-летнего студента Грузинского технического университета Кахиашвили свои веские доводы для успеха. Уже в ранге олимпийского чемпиона он на пресс-конференции скажет: «Я планировал начать рывок со 175 кг, но старший тренер сборной Василий Алексеев почему-то заказал 170. Чувствовал себя готовым бороться за мировой рекорд, но сделаю это в более спокойной обстановке. Сегодня для меня было главное стать олимпийским чемпионом».

И он им стал в редкой по красоте спортивной борьбе. После того, как основной соперник закончил соревнования, толкнув 222,5 кг, Кахи во втором подходе к штанге покоряет 225, повторяя олимпийский рекорд. Но отставание от лидера все еще велико – 10 кг. Для победы ему необходимо повторить мировой рекорд Анатолия Храпатого – 235. Кахиашвили справляется с этим громадным весом, набрав одинаковую сумму в двоеборье с Сырцовым, но опередив его за счет меньшего собственного веса.

На пресс-конференции Сырцов признается: «Когда Кахи поднял штангу на грудь, я понял, что победа будет за ним. Он достойный чемпион».

Победитель стоял на помосте, все еще переживая перипетии этого изматывающего поединка, все еще слыша восхищенный возглас кого-то из земляков, когда снаряд был уже на его вытянутых руках.

«Шени чириме, Кахи!», - донеслось до него с трибуны, где располагались соотечественники.

Он потом скажет, что не ожидал услышать в этом зале грузинские голоса.

Вспомнил напутствие Рафаэла Чимишкяна, олим-

пийского чемпиона 1952 года, перекрестившего Кахи перед дальней дорогой: «Этого счастливого часа я ждал 40 лет. Я был первым в полутяжелом весе, ты станешь – в полутяжелом».

«Спасибо, Рафаэл, вы остаетесь моей путеводной звездой» - написал Кахиашвили в открытке, поздравляя нашего ветерана с днем рождения. Кстати, Рафаэл Аркадьевич в марте этого года отметил свою восемьдесят третью весну.

Восемь лет назад в беседе со мной он вспомнил молодость своей тяжелоатлетической биографии: «Были у нас в динамовском зале на улице Бесики один помост и две чугунные штанги, приходилось подолгу ждать своей очереди. Но уже в 1946 году Грузия делегировала на первый для советских спортсменов чемпионат мира по тяжелой атлетике в Париже Владимира Светилко, Моисея Касьяника и Мамия Жгенти. На чемпионате мира-50 спортивную Грузию представляли Светилко, Хаим Ханукашвили, я и наш тренер Павел Гумашян. С тех пор грузинские штангисты участвуют в Олимпиадах, чемпионатах мира и Европы. Горжусь, что счет их олимпийских побед открыл я. Прошло шесть десятков лет, но грузинские штангисты остаются в числе сильнейших в мире».

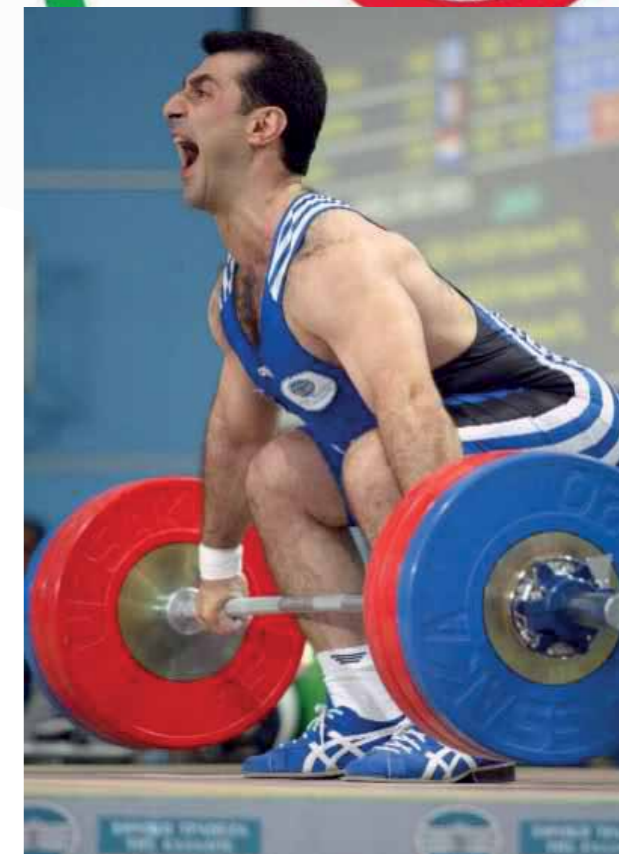
Итак, спасибо Рафаэл! Спасибо всем, кто помог этому юноше из семьи служащих, и, в первую очередь, заслуженному тренеру Грузии и СССР Вану Грикурову, к кому пришел 12-летний Кахи, чье возмужание пришлось на сложные периоды в жизни страны. В 1990 году, после войны и всеобщей разрухи, Кахи с тренером вынуждены переехать из Цхинвали в Тбилиси и здесь продолжать тренировки.

В Москве на учебном сборе, выполняя рывок, он уронил штангу весом два центнера на спину. Несколько мгновений все словно оцепенело. Не думали видеть его живым. Потом вытащили из-под снаряда, домчали в больницу.

На несколько месяцев Кахи выключился из тренировочного цикла, еще долго продолжали мучить боли в спине и коленях. Кто-то поспешил списать 21-летнего чемпиона Европы и мира среди молодежи, обладателя Кубка СССР. Это обстоятельство оставило его без зарплаты.

На заседании федерации тяжелой атлетики Грузии тренер умолял руководство спорткомитета помочь Кахи, говорил, что у него есть большие шансы выиграть олимпийскую медаль 1992 года, но тщетно. У многих присутствовавших упоминание о медали вызвало иронические улыбки.

К невзгодам добавилось и то, что спортсменам Грузии запретили участвовать во всесоюзных соревнованиях, что перекрывало им дорогу на Олимпиаду. Многие прекратили тренировки. И Кахиашвили, наверно, ждала такая участь, если бы не настоятель-

Кахи Кахиашвили

ные советы близких и его тренера искать свою спортивную судьбу за пределами Грузии.

Жизнь показала правильность этого плана.

В поисках мало-мальски сносных условий решили искать счастье на стороне – в Ростове-на-Дону, где Кахи раньше проходил армейскую службу и его знали.

Медленно возвращалась к нему былая сила, хотя на первых двух соревнованиях результаты были скромными – седьмое и пятое места. А потом он выиграл в предолимпийском году семь турниров подряд. И зачастили в Москву и Ростов гонцы – он был готовый кандидат на олимпийскую медаль, как минимум серебряную, но Кахи на них внимания не обращал.

Твердо для себя решил: при первой же возможности вернется в Грузию, что и сделал. Его золотая олимпийская медаль принадлежала родине, но и ростовчане внесли свой вклад в эту победу и чувствовали его как своего, наградили денежной премией и ценными подарками, и он был им благодарен.

Возвратился олимпийский чемпион Барселоны к старому очагу в Тбилиси, однокомнатной квартире дяди в Варкетили. И долго мыкался, добираясь ежедневно до Ваке, без машины, без элементарных условий существования. Жизнь свела его с добрыми людьми, такими, как ветеран штанги Нодар Мумладзе, да только ли с ним, он с благодарностью вспоминает тех, кто пытался сделать возможное для ребят в последние две зимы, когда с наступлением холодов в ноябре 1993 года в тренировочном зале пальцы примерзали к грифу штанги, и болел у него каждый сустав.

Приближался чемпионат мира в Австралии, а ему впору было лечь в больницу, и он ее не избежал, повредив на чемпионате мышцу ноги, но, несмотря

Георгий Асанидзе и Рафаэл Чимишкян

на страшную боль, закончил соревнования в толчке, выиграв малую золотую медаль.

Приближалась зима 1994-го. И этот сильный человек почувствовал, что не выдержит новых испытаний в холодном зале, так недолго и инвалидом стать. Результаты его были далеки от барселонских, а он не хотел быть преждевременно списанным.

Хотел держать ответ перед своим народом – трудом и делами своими, вынашивал большие планы и знал, если Бог поможет, выполнит их.

Кахи уехал в Грецию, на историческую родину матери и бабушки; с 1994 года он гражданин Греции, но навсегда останется грузином, его так и называют в Греции – Великим Грузином. И он сдержал слово: выиграл свою вторую Олимпиаду, с новым олимпийским рекордом. И готовился к третьей.

В ноябре 1999 года афинский стадион «Мир и дружба» стал свидетелем победы Кахи Кахиашвили на чемпионате мира. Вспомнив подвиги первых олимпийцев, он снова превзошел всех соперников, среди которых были олимпийский чемпион Атланты, чемпионы мира и Европы.

«Я понимаю, что в Сиднее будет намного тяжелее, чем на предыдущих Играх, - сказал он после победы с мировым рекордом. - Соперники очень сильные и моложе меня».

Но ни сила и молодость соперников, и самого грозного из них – чемпиона Европы поляка Симона Колецкого, который моложе его на 12 лет, ни разрыв ранее травмированной мышцы ноги, не помешали Кахиашвили в Сиднее выиграть чемпионскую медаль, третью на Олимпийских играх.

В Сиднее еще один воспитанник Вано Грикурова добился выдающегося успеха – обладателем большой бронзовой медали стал Георгий Асанидзе.

Первая наша встреча с призером самых престижных соревнований произошла на австралийской земле. По телевизору. И началась с неожиданности: в репортаже на Грузию один из героев закончившейся Олимпиады, донельзя расстроенный, просил соотечественников извинить его за неудачу. Не скрывал огорчения и тренер, готовивший ученика исключительно к суперцели.

И дело не только в самих Играх, где не гарантирована победа чемпионам из чемпионов. Поражало другое: как в наших условиях вырос в чудо-богатыря этот 25-летний парень из Сачхере, лишенный элементарных условий быта и тренировок, выезжавший на занятия с наставником (Георгий Асанидзе: «Грикуров в течение ряда лет опекал меня, как сына») в польский город Цеханув, в сотне километров севернее Варшавы, где была возможность подойти к

Вано Грикуров и Георгий Асанидзе

Пиррос Димас и Георгий Асанидзе в Афинах. 2004

«настоящей» штанге.

Здесь оба работали по методике Грикурова, в основе ее – хорошее знание психологии спортсмена.

И только оба знали, как многотруден был путь к Олимпиаде: за два месяца до мирового чемпионата Георгий перенес небольшую операцию на коленях, а еще через месяц повредил спину. Настолько, что не мог стоять на ногах.

Грикуров вспоминал: «Я купил специальный корсет для инвалидов, в котором он начал ходить, а затем – жать штангу лежа. В корсете же за две недели до отъезда в Лахти вырвал 130 кг. Но когда корсет сняли, он боялся даже наклониться к штанге – настолько неуверенно себя чувствовал. Уже в Финляндии все было вроде бы в порядке – я планировал начать соревнования со 150 кг, но спросил Георгия, что думает он. И услышал: 165! В итоге сошлись на 160 и добрались до рекорда мира –168».

Как сказал мне в декабре 2004 года Вано Грикуров, кавалер ордена Чести, апогеем его достижений как тренера за последние 10-12 лет стали Афинская олимпиада 2004 года и великая победа Георгия Асанидзе, увенчанная золотой медалью олимпийского чемпиона, победа над трехкратным олимпийским чемпионом греком Пирросом Димасом, который, соревнуясь у себя на родине, не скрывал, что нацелился на четвертую большую золотую медаль.

После этого в жизни Грикурова начался новый этап, связанный с возвращением в Грузию после девятилетнего перерыва. Вернулся с большими планами и надеждами. Работает тренером в течение 32 лет, из них двенадцать лет на уровне рекордов мира и золотых медалей.

Признался, что чувствует огромную усталость после 104 медалей, завоеванных его воспитанниками на чемпионатах Европы и мира и Олимпийских играх. Но, предвидя окончание своей спортивной карьеры, он тогда все же планировал поработать два олимпийских цикла, и все это время использовать на благо своей отчизны.

Не правда ли многообещающее откровение великого тренера в год Лондонской олимпиады?

Арсен ЕРЕМЯН

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

Эта сололакская улица умудрилась оказаться одновременно и у выезда из города, и, практически, в самом его центре. С ней связаны и замечательные легенды, и не менее замечательные хитросплетения тбилисских реалий. Ее исконное имя Вознесенская (по-грузински – Амаглебис) вернулось к ней в последнее десятилетие. А в прошлом веке мы прочтем это название на страницах многих русских писателей и поэтов – как один из главных символов литературной жизни Тифлиса.

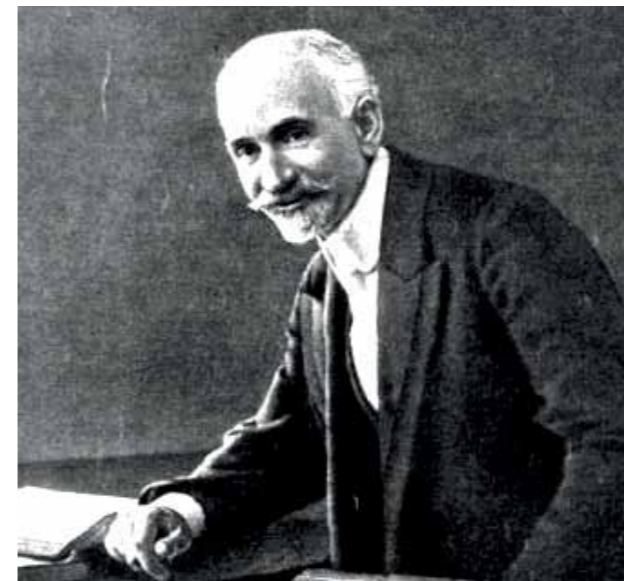
Именно в ее переулочек поселил Константин Паустовский свою Маргариту – ту, которую любил нищий и гениальный художник Пиросмани. И именно сюда легко плыли арбы, нагруженные цветами со всех гор и полей Грузии. Причем, были это не только алые розы, которые позже воспел Андрей Вознесенский. «Каких цветов тут только не было! Поздняя иранская сирень. Там в каждой чашечке скрывалась маленькая, как песчинка, капля холодной влаги, пряной на вкус. Густая акация с отливающими серебром лепестками. Дикий боярышник - его запах был тем крепче, чем каменнее была почва, на которой он рос... Изыщная красавица жимолость в розовом дыму, красные воронки ипомеи, лилии, мак, всегда вырастающий на скалах именно там, где упала хотя бы

самая маленькая капля птичьей крови, настурция, пионы и розы...». И если в легенде эта улица объединила столь непохожие цветы, радуясь каждому неповторимому аромату, то в жизни она сумела связать воедино множество поэтических строк, написанных на разных языках: грузинском, армянском, азербайджанском, русском... И не было различия и непонимания между поэтами, переводившими друг друга.

Голос одного из них, звучавший в одном из самых верхних домов - под номером 45, принадлежал армянскому поэту Кара-Дарвишу. Пожалуй, единственному в мире, выпустившему полное издание своих стихов на... почтовых открытках. Его блестяще переводил Осип Мандельштам. А сам Акоп Генджян - таково настоящее имя этого человека – не менее блестяще перевел на русский язык и народного поэта Армении и Азербайджана Ширванзаде, девять лет прожившего в Тифлисе, и великого американца Уолта Уитмена. В 1910-м он увлекся футуризмом и, конечно же, подружился с Владимиром Маяковским, который даже написал его портрет. Был он неразлучен и с братьями Зданевичами, один из которых, Илья, призывал: «Читайте Кара-Дарвиша – Уолта Уитмена Востока!». Кто только не поднимался к Кара-Дарвишу

по этой улице! И каждый проходил мимо Сололакской Спасо-Вознесенской церкви, в честь которой она и названа. Как и у многих других церквей, попавших под руку воинствующих атеистов, у этой – своя драматическая судьба.

Построил ее в 1852 году замечательный человек, выдающийся историк Платон Иоселиани. Причем, на собственные деньги, по плану церкви, находящейся в Греции. А через 13 лет после этого он был похоронен в ее стенах. Когда храм разрушили коммунисты, могильную плиту перенесли в Дидубийский пантеон. Но надпись на ней по-прежнему извещает, что Иоселиани «похоронен

Ованес Туманян

под сенью выстроенной им церкви». А сколько людей, приехавших из России, приходило к алтарю Спасо-Вознесенской церкви, чтобы поклониться погребенному под ним праху княжны Елены Долгорукой! И не только потому, что она родилась в одной из самых известных российских семей. Елена Павловна была бабушкой совершенно замечательных, вошедших во всемирную историю внуков - графа Сергея Витте и его кузины, основательницы Теософского общества Елены Блаватской... Сейчас на этом месте стоит новая церковь, а улице возвращено старое название. Наверное, второе справедливо, хотя то, которое произносили поколения горожан, выросших после революции, вполне соответствовало неписанной традиции – давать сололакским улицам имена литераторов. Она была названа в честь Иосифа Давиташвили – первого грузинского рабочего поэта, жившего во второй половине XIX века. Но никакие переименования не могли лишить эту улицу неповторимого колорита, который по сей день хранит ее крутизна.

Ну, а если эта крутизна утомит нас, можно присесть отдохнуть. Прямо на ступеньку дома №18. Точно так же, только чуть выше, в подъезде, сидел в 1916 году... основатель русского символизма Валерий Брюсов. Он, уже в который раз, был здесь в гостях, беседовал о литературе, а, поняв, что время позднее, поспешил распрощаться. Но, открыв дверь, изумленный хозяин дома видит поэта сидящим на ступеньках и что-то пишущим в блокноте. Оказывается, Брюсов решил «по горячим следам» записать все, о чем шел разговор. Потом хозяин дома признался: он никогда не смог бы записывать весь прошедший день. Что ж, он уже столько написал к тому времени (и как написал!), что был признан величайшим поэтом своего народа. Это очень похоже на очередную легенду, но именно так все и было. Потому что хозяйина дома звали Ованес Туманян. И Брюсов стремился не забыть ни одного слова из беседы с живым классиком. «Патриарх

армянской поэзии»... «хлеб наш насущный»... «мерило человеческой порядочности, благородства, праведности»... Давайте, приглядимся к сололаку, о котором в его родной Армении звучали и продолжают звучать такие слова. И который даже запечатлен там на купюре в 5.000 драм.

Ованес становится тифлисецем в 14 лет, приехав вместе с отцом в 1883-м из армянского села Дсех в главный культурный и политический центр Закавказья. Здесь он прожил почти четыре десятилетия, до конца своей жизни, оборвавшейся в одной из московских больниц. Однако похоронен он именно в Тбилиси, а вот с сердцем поэта – особая история. Сын Арег привозит его в формалине на Вознесенскую-Давиташвили, и оно 25 лет хранится там, в небольшом шкафчике кабинета. Потом его перевозят в Ереван, а в 1994-м оно захоронено в небольшой сельской часовне рядом с отчим домом Туманяна. Но его бение продолжает звучать в грузинской столице, которую, при первой встрече, Ованес увидел такой: «Повсюду раздавались звуки зурны, дхойла, дайры, нагара, смех, песни - и все это прямо на улицах или на крышах домов, особенно по вечерам. А уж по воскресеньям и праздничным дням - только держись! Разодетый, нарядный город гремел и звенел. Можно было только удивляться, когда же успевают работать эти люди, постоянно пляшущие и поющие».

Жизнь, конечно же, быстро доказывает, что она – отнюдь не постоянный праздник. Ованес женится рано – в 19 лет, у него –10 детей, и он вынужден служить, как тогда говорили, в «присутственных местах». Но вольнолюбивый поэт и услужливый чиновник – «две вещи несовместные». И Туманяну удается навсегда оставить службу, которую он сравнивает с адом, и полностью уйти в литературу. Так в Сололаки разгорается еще один очаг, согревающий творческий люд. Сначала его свет шел с четвертого этажа дома №44 на Бебутовской улице (ныне – Ладосатиани). Там Ованес в 1898 году создает общество, так и названное - «Вернатун» (верхний дом, горница) - литературно-художественный салон для армянской интеллигенции. В комнате, где дважды в неделю проходили собрания, месяцами живут всевозможные многочисленные гости. И вообще, в многолюдном доме жизнь идет веселая и шумная. Все эти традиции в 1904-м переселяются, вместе с семьей поэта, на Вознесенскую улицу, в здание, которое и сегодня тбилисцы именуют не иначе, как Дом Туманяна.

Ох, как популярен это дом в начале XX века! Теплыми ночами можно увидеть (а вернее, услышать), как приходят к нему после своих дискуссий-застольев грузинские поэты-«голубороговцы»: «Святейший Ованес, дай лицеизреть тебя!». Об этой традиции, ставшей частью литературной жизни Тифлиса, рассказывает Нина Макашвили, на свадьбе которой с Тицианом Табидзе почитаемый все городом поэт был почетнейшим гостем: «На балкон, спросонья надев халат, выходил Ованес Туманян,

Члены литературного общества «Вернатун»

убеленный сединами, с лицом святого, с удивительно доброй улыбкой... Иногда мы все-таки заходили в его на редкость ароматную комнату. Он садился, как патриарх, во главе, а мы все размещались вокруг жаровни, с помощью которой он обогривал свою комнату. Он бросал на угли какие-то бумажки, они сгорали — от них-то и шел тот удивительный аромат... А вот, что чувствует сам Тициан, когда Туманяна не стало, и подобные встречи остались в памяти еще одним переплетением тбилисских легенд и реалий: «Он... всю свою жизнь проповедовал нам, народам Кавказа, любить друг друга. Он был, как Иоанн Богослов, которого перед смертью ученики привели к народу и который, прослезившись, произнес: «Любите друг друга!». Да, в этом - весь Ованес Туманян. Вот, каков для него город у Курь: «Старый Тифлис — это своеобразный мир, где народы Кавказа были объединены всеми характерными признаками быта и манерами...». А вот — доказательства того, насколько справедлив такой взгляд.

Изданный на русском языке сборник грузинских символистов, возглавляемых Григолом Робакидзе, обсуждается в Товариществе армянских писателей. И, как свидетельствуют бывшие на том обсуждении, «несмотря на бурную дискуссию, атмосфера была очень дружелюбная, чувствовалось, что обе нации уважают друг друга, а разногласия являются теоретическими»... Литераторы-армяне во главе с Туманяном на вечерах в Грузинском клубе обсуждают вместе с литературоведом Московского университета Азизом Шарифом и местными азербайджанскими писателями пьесу их соотечественника Наджеф-бека Везирова... Впрочем, какой единой семьей жили тогдашние литераторы, станет еще более ясным, если мы просмотрим хотя бы часть перечня того, в чем участвовали Ованес Туманян и его соратники. Открытие памятника Илье Чавчавадзе, 60-летний юбилей Владимира Короленко, 85-летие смерти Александра Грибоедова, похороны Акакия Церетели, создание литературного кафе «Химериони», Праздник грузинской национальной поэзии... Как сказали бы сегодня, полный интернационализм. Причем, вполне естественный, без всякой показухи. И, конечно, особая страница — отношение Туманяна к русской литературе и к своим современникам, ставшим частью ее.

Он признает, что эта литература влияла на него не каким-нибудь конкретным произведением — он «чувствовал ее в душе, в литературных вкусах, в мировоззрении». Он делится: «Я нашел, что произведения русских поэтов знакомы мне еще с детства и так полюбили, что, несомненно, должны были оказать на меня влияние». И в его переводах Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Надсона, Блока, наиболее полно раскрывающих армянскому читателю мир русской поэзии, — не только высокое мастерство, но и удивительное понимание всех тонкостей первоисточника. Символично, что именно в Москве, в 1890-м, увидел свет первый сборник его стихов. А сам он всю жизнь пишет статьи о русской литературе, внимательно следит за всеми ее течениями, организует в Тифлисе массу посвященных ей вечеров. Мы с благодарностью должны вспомнить традицию, которую он ввел в своей семье — дети вели дневники, ни одно поступавшее в дом письмо не выбрасывалось. Так и появился семейный архив, сохранивший для нас свидетельства теснейшей связи Туманяна с Россией. Мы видим в нем и газеты, без которых поэт не мог жить — «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское богатство», и обширнейшую переписку с собратьями по перу. Но главным, конечно же, было личное общение.

Валерия Брюсова мы уже видели сидящим на ступеньках туманяновского дома, в котором он был частым гостем. Тогда, в 1916 году, он приехал в грузинскую столицу из российской, чтобы читать лекции об армянской поэзии, вызвавшие настоящий ажиотаж у многонационального населения города. Свое восхищение тифлисским другом Брюсов, оставивший огромное количество

переводов из армянской поэзии, высказывает множество раз, при каждом удобном случае. Дружбу с ним Туманян сохраняет до последних дней жизни, а после смерти Ованеса Тадевосовича ее продолжили его дочь и жена Валерия Яковлевича. Свидетельство тому — их переписка по вопросам поэзии вообще и переводов в частности, сохранившаяся в том самом семейном архиве. А еще не только на Туманяна, но и на всех его близких особое впечатление производит Константин Бальмонт, приезжавший в Грузию работать над «Витязем в барсовой шкуре» — первым из пяти полных стихотворных переводов поэмы Шота Руставели. В 1893-м он становится и первым переводчиком на русский язык поэмы Туманяна «Ахтамар». Тогда-то они знакомятся, и позже в Сололаки с радостью принимают колоритного, эмоционального, рыжеволосого гостя. А сам Бальмонт пишет такой экспромт:

*Тебе, Ованес Туманян,
Напевный дар от Бога дан,
И ты не только средь армян
Лучистой славой осиян,
Но свой нарядный талисман
Забросил в дали русских стран,
И не введя себя в изъясн,
Не потеряв восточный сан,
Ты стал средь нас на родной Иван...*

Не только «родным Иваном», но и мудрым наставником Туманян становится для Сергея Городецкого, который на несколько лет превращается в поистине своего человека в доме на Вознесенской. Совсем еще молодой военный корреспондент газеты «Русское слово» приезжает в 1916-м в Тифлис. И встреча с Ованесом многое определяет в его жизни — он получает совет отправиться в Армению, чтобы увидеть последствия резни и спасти де-

Ованес Туманян и Сергей Городецкий

тей. Причем, не только армянских, но и курдских. Именно эта длительная поездка и рождает в Городецком настоящего поэта. Он видит и красоты горной страны, и ужасы сожженных городов и сел. Созданный там цикл стихотворений «Ангел Армении» издается в 1918 году в Тифлисе и посвящается, конечно же, Туманяну. Вернувшись в столицу Грузии, Сергей заведует отделом литературы и искусства в газете «Кавказское слово», участвует в литературных вечерах, делает обзоры выставок грузинских и армянских художников и много времени проводит у Туманяна. Без экспромта, не обходится и он:

*Не знаю, кто придумал эсперанто,
Чтоб языки связать в один венец.
Но знаю я другого: Туманян-то —
Он эсперанто изобрел сердец!*

Именно благодаря этому уникальному эсперанто, творчество Туманяна воспринимали и русские поэты, никогда не видевшие его. Стихи «достопримечательности Тифлиса», как называли Ованеса горожане, стали достопримечательностью переводческих работ Самуила Маршака, Корнея Чуковского, Николая Тихонова, Беллы Ахмадулиной, Наума Гребнева... Разное время, разные поколения, а язык — общий. Прочтем, что пишет Маршак дочери Туманяна — Ашхен: «...Работа над переводами была для меня истинной радостью. В каждой строчке я чувствовал ясную, добрую, по-детски чистую душу великого армянского поэта. Как живому, я шлю ему свой низкий, почтительный поклон».

Как верно расслышал Самуил Яковлевич эсперанто сердец! Но, ведь, детскость души проявляется не только в поэзии. Мы убедимся в этом, услышав, как друзья семьи то и дело повторяют жене поэта Ольге: «У тебя не десять детей, а одиннадцать, и самый трудный ребенок — Ованес». Да и сама она рассказывала, что муж напоминал ей большого ребенка. Чтобы убедиться в этом, хватит одного примера. На зиму в кладовке развешиваются чурчхелы, и Ольга замечает: нити, на которые нанизана эта вкуснятина, постепенно укорачиваются. Естественно, она решает, что дети втихую лакомятся, подрезая кончики чурчхел, но на «месте преступления» застаёт Ованеса... В общем, она и впрямь ухаживает за мужем, как за ребенком. А он, при этом, выглядит таким милым дедушкой с седой бородкой — тифлиские поэты называли его патриархом, когда ему еще не было и пятидесяти. Но, как обманчива бывает внешность у личностей такого масштаба...

«Он оседлал лошадь и двинулся к вражеским позициям. Мы просили его вернуться и спрятаться в ущелье. Но он был спокоен и неумолим. Он посмотрел вдаль на холмы, крикнул нам: Не стрелять! Не выходить из ущелья! Азербайджанцы шли ему навстречу... И когда недавние враги подошли друг к другу и пожали руки, старик азербайджанец сказал: Пусть дорога, по которой он шел, покроется цветами, ярко красными, алыми цветами...». Это — рассказ армянского солдата о том, как тихий человек с добрейшей внешностью в 1907 году предотвратил кровопролитие в Лори. А сам Ованес признается: «И сегодня я не столько тем доволен, что сделал что-то в литературе, сколько доволен, что сумел заставить поднявшиеся друг против друга народы вложить сабли в ножны и сумел спасти великое множество ни в чем не повинных людей от варварской резни». В его стихах эта мысль более сконцентрирована:

*Пускаться в бегство? Тщетный труд, —
Я связан тысячами пут:
Со всеми вместе я живу,
За всех душой страдаю тут.*

С супругой Ольгой

Именно поэтому он — в гуще событий и во время Первой мировой войны, дважды отправляется на Кавказский фронт — обустроить тысячи беженцев... А потом, победителем не только на литературном, но и на бранном поле, возвращается в свой уютный кабинет на Вознесенской, где висит написанное им объявление: «Не курить и книг не бросать!», а на полках стоят 8 тысяч томов личной библиотеки. Потом они составили городскую библиотеку имени Туманяна, а несколько лет назад... разошлись по другим книгохранилищам города. Они разделили печальную судьбу дома №18, который стал предметом имущественного спора, о деталях которого говорить на этих страницах не хочется. Достаточно сказать, что правнучка писателя, которой остались несколько комнат, вместе с общественностью долго боролась за то, чтобы этот дом не достался людям, которые способны уничтожить все следы «достопримечательности Тифлиса». Слухов и версий на эту тему — выше протекающей крыши исторического дома. Достоверно известно лишь одно: кому бы он ни достался, библиотеки Туманяна в нем уже не будет. Но, чтобы еще ни произошло, и для поэтов — грузинских, армянских, русских, и для тбилисцев, которым сейчас, зачастую, не до поэзии, это здание навсегда останется Домом Туманяна. Домом, в котором Ованес посвятил Николосу Бараташвили строки, которые с равной силой звучат и о нем самом:

*Утешься, Грузия! В заветный этот миг
Что омрачило так твой мужественный лик?
То, что безмолвный прах увидела ты вновь
Певца, снискавшего в душе твоей любовь?*

И еще вспомним, что Брюсов сделал из встреч с Туманяном такой вывод: «В Тифлисе нет ни одного человека, который бы не любил его как человека и замечательного писателя». Это — не легенда. Так было на самом деле.

Владимир ГОЛОВИН

Евгений Лебедев

Память тех, кто видел тебя...

Евгения Лебедева нам трудно представить молодым человеком. Мы узнали его уже зрелым мастером. Само время еще не убежало от нас слишком далеко. Благодаря техническим средствам мы услышали голос артиста, увидели его пластику, манеру игры, глаза, движения. Мы знаем его Холстомера, Бессеменова, Артуро Уи... Но даже в ранней работе, сохранившей облик, как нам кажется, совсем молодого Евгения Лебедева, ему уже 38 лет – это Ромашов в фильме «Два капитана» (1955).

Между тем, после окончания Московского городского театрального училища в 1940 году Евгения Лебедева командировали работать в Тбилиси – в Русский театр юного зрителя им. Л.М.Кагановича. Правда, за плечами уже была непростая, полная треволнений и скитаний жизнь «поповского сына». Он приехал, когда ему было 23 года, а уехал из Тбилиси, когда ему было за 30.

Русский ТЮЗ являлся в то время совершенно уникальным театром даже для такого театрального города, как Тбилиси. Это был первый в Закавказье театр для детей, созданный в 1927 году по инициативе Н.Я. Маршака (главного режиссера ТЮЗа вплоть до 1960 года) и К.Я. Шах-Азизова (знаменитого впоследствии директора Центрального детского театра в Москве).

Мечта о создании театра для детей зародилась у Мар-

шака, когда он руководил детским домом. Он один из инициаторов создания первой в Советском Союзе детской железной дороги, которая работала в знаменитом городском саду Муштаид. Николай Яковлевич был предан «идее детства». Имея некоторое внешнее сходство с известным детским поэтом и такое же отчество, он взял себе псевдонимом фамилию Маршак, что впоследствии породило некоторую путаницу исследователей и биографов, считающих их родными братьями. На самом деле, настоящая фамилия Н.Я. Маршака – Чечет; семья жила в отдельном домике во дворе католического костела на улице Калинина, и, вероятнее всего, кто-то из его предков был католическим священнослужителем.

Русский ТЮЗ, возглавляемый Маршаком, был подчинен общему пониманию высокой миссии – служению Детству. Свидетельством энтузиазма, которым был охвачен весь коллектив, может послужить такой эпизод. За афишами первого спектакля – «Гайавата» – отправился администратор М.Барутчев. Он вернулся с афишами, но без зубов. Цена оказалась больше, чем рассчитывали, и Михаил Григорьевич, не раздумывая, расплатился своими золотыми зубами (впоследствии именно Барутчев дал путевку в «театральную» жизнь Р.Мерабову, который начал при нем мальчиком-администратором; его дочь, Татьяна Барутчева-Мергелова, стала руководителем педагогической части ТЮЗа, а внук работает сегодня главным администратором в Театре музыки и песни Елены Камбуровой). Перед коллективом стояла задача приобщить детей к искусству, познакомить с произведениями русской и мировой драматургии, научить языку театра. Отношение к детям было любовное и очень серьезное. Юные зрители писали о своих впечатлениях от спектаклей в тюзовскую многотиражку «Дети Октября», позднее – «Вестник ТЮЗа». Работал «Актив школьников», в который стремились попасть, кажется, все школьники грузинской столицы. Педагогическая часть занималась с

детьми читкой пьес и разбором спектаклей. В репертуаре стояли «Ромео и Джульетта», «Коварство и любовь», «Разбойники», «Бедность не порок», «Поздняя любовь», «Сказки Пушкина», «Василиса Прекрасная», «Овод», «Дубровский»...

В пеструю, многокрасочную и богатую впечатлениями театральную жизнь Тбилиси русский ТЮЗ вписывался абсолютно и органично.

Многие известные деятели отечественной культуры начинали свой творческий путь именно с тбилисского русского ТЮЗа.

Свой первый в жизни профессиональный спектакль «Предложение» Г.А. Товстоногов поставил именно здесь в 1933 году; будучи совсем мальчиком, он сыграл Балду в пушкинской сказке и в общей сложности проработал в русском ТЮЗе до 1940 года, где поставил большое количество спектаклей. В начале 70-х на встрече с тбилисской театральной общественностью Георгий Александрович Товстоногов сказал: «Мизансценированию я научился у великого режиссера Маршака».

Кинодраматург и публицист Анатолий Гребнев еще школьником стал главным редактором многотиражки «Дети Октября», газеты русского ТЮЗа в 1930-е годы.

В театре работал Энвер Бейбутов – старший брат

знаменитого певца Рашида Бейбутова, многолетний главный режиссер Ростовского театра, а затем – русского драматического театра в Баку; работал молодой Рафик Экимян – будущий директор Московского театра Ленком.

Юный Булат Окуджава начинал свою трудовую деятельность рабочим сцены в русском ТЮЗе. Через много лет, уже известным поэтом, находясь в Днепрпетровске, он с юмором рассказывал сотрудникам Московского областного ТЮЗа, который там гастролировал, о своей работе монтировщиком в Русском ТЮЗе: «Лебедев меня тогда на дух не замечал. Но зато потом, в своих мемуарах, он все-таки написал, что работал в тбилисском ТЮЗе, в котором рабочим сцены был я».

После выхода на экраны фильма «Дом, в котором я живу» зрителям с гордостью показывали место, которое по абонементу когда-то принадлежало мальчику Леве Кулиджанову, бывшему «активисту школьников при ТЮЗе».

Говорили, что и Марлен Хуциев был частым посетителем тюзовских спектаклей, и Евгений Примаков.

Начинающий артист Евгений Лебедев приехал, когда ТЮЗ был на взлете. Великолепные артисты составляли эту уникальную труппу: потрясающие актрисы-трагедистки Ч. Кирова и М. Бубутейшвили; герои-любовники по амплуа, разные, каждый со своей особенностью и манерой, красавцы-мужчины Ю.Новиков, Г.Чодришвили, В.Урусов; комики, «злодеи», характерные – А.Юдин, К.Ефимов, Н.Глобенко, О.Орел; артисты на роли трогательного, слабого, забитого жизнью «маленького человека» – П.Нерясов, П.Штогрин, А.Барсанова; «светская львица» Т.Папаташвили; социальный герой – Л.Романов; наконец, А.Энгельгардт – потомственный дворянин, из старинного знаменитого рода Энгельгардтов, один из которых был директором Царскосельского лицея, спасал А.С. Пушкина от ссылки, которому принадлежит крылатая фраза: «Не смерть страшна, а страшно бесчестие».

Во многих спектаклях партнершей Лебедева была Ольга Беленко, первая актриса театра, обладающая поразительной многогранностью сценического дарования («Бедность не порок»: Митя и Любовь Гордеевна; «Свои люди – сочтемся»: Подхалюзин и Липочка; «Слуга двух господ»: Труфальдино и Смеральдина). Позднее ее звал к себе в Ленинград Г.Товстоногов. Лебедев поехал, а она отказалась. Невероятно скромная в жизни, скорее всего, испугалась.

Женой Евгения Лебедева стала актриса, красавица Катя Агаларова, которую все называли Малышкой. Наполовину азербайджанка, наполовину грузинка, с удлинненным разрезом глаз она была похожа на восточную миниатюру. При этом она еще и пела красивым теплым сопрано. Вначале молодая семья жила на тогдашней Татьяновской улице в комнате, которую им сдавала мама Гоги Товстоногова. Фактически это был просто замкнутый угловой «кусочек» длинного тбилисского балкона, который шел вдоль всего дома.

Позже Лебедев и Агаларова жили в тюзовском общежитии в трехэтажном здании бывшего склада декораций с комнатками-пеналами по пять на этаже, с печным отоплением, общей кухней и туалетом. Дом «в стиле ранний Вайсерманс», шутили артисты, причудливо соединял слово Ренессанс и фамилию директора театра Вайсермана. О, это знаменитое общежитие Русского ТЮЗа во дворе Дома железнодорожников на проспекте Плеханова №127! На третий этаж, где жили первые актеры труппы (Урусов, Беленко, Лебедев с Агаларовой, Энгельгардт), вела пристроенная снаружи гремющая металлическая лестница; ступеньки были с дырками в виде кружочков и линий, перила слегка подерживались редкими металлическими подпорками. Лестница была вся какая-то прозрачная, почти воздуш-

ная. Она возвышалась и над Домом железнодорожников, и над Плехановским проспектом с его платанами в три обхвата и казалась лестницей в небо.

Очень скоро Евгений Лебедев стал одним из ведущих актеров театра. Он сыграл Митю в пьесе «Бедность не порок», Подхалюзина в пьесе «Свои люди – сочтемся», Бабу-Ягу в «Василисе Прекрасной», Труфальдино в «Слуге двух господ», Павку Корчагина в спектакле «Как закалялась сталь», Сережу Тюленина в «Молодой гвардии» и молодого Сталина в спектакле «Побег» (позже, в 1949 году, в первом спектакле Г.А. Товстоногова в ленинградском Ленкоме «Из искры...» за исполнение роли Сталина Е.Лебедев получил Сталинскую премию 1 степени).

Во время войны и в первые послевоенные годы бригада тюзовцев много ездила по госпиталиям с концертами. С участием Лебедева были сцена с Липочкой из «Своих людей...» и мимическая сценка «Рыболов».

Похоже, что именно здесь, в Русском тбилисском ТЮЗе, сформировалась особая актерская индивидуальность Лебедева, и были намечены основные темы его творчества. Представляется, что в актерской природе Лебедева была заложена некоторая физиологичность исполнения: он играл как бы чуть-чуть «над реализмом»; можно использовать и общепринятую формулировку – сюрреализм, как ни покажется неожиданным этот термин, применительно к игре драматического актера. В эти первые девять лет работы в театре он проявил себя как характерный артист, склонный к эксцентризму, владеющий редким жанром гротескной игры в сочетании с тонким психологизмом. В нем непостижимым образом блистательно слились два направления русской театральной школы – школа представления, эксцентриада, яркая определенность формы и глубокое переживание, сердечный душевный надрыв, «жизнь человеческого духа», по словам К.С. Станиславского.

К сожалению, почти не осталось людей, которые видели этот ранний, самый ранний период актерского творчества Евгения Лебедева. Воспоминания обрывочны, не полны, но и по ним все-таки можно составить некоторое представление о том, как это было.

Мне рассказали о мизансценах в «Молодой гвардии», которые навсегда врезались в память «юному зрителю», видевшему спектакль более 60-ти лет назад. На авансцене Сережа Тюленин (Е.Лебедев) прикалывал на спину проходящему полицая (Г.Барановский) листовку с текстом типа «Я – предатель» или что-то в этом роде. Делалось это очень ловко и неизменно срывало аплодисменты. И еще. Кончался спектакль очень выразительной «скульптурной» композицией – памятником героям. Это впечатляло: Любка Шевцова – О.Беленко, Олег Кошевой – В.Урусов, Иван Земнухов – М.Минеев.

В спектакле «Слуга двух господ» была сцена, когда Труфальдино пытается заклеить чужое распечатанное письмо мякишем хлеба и непроизвольно проглатывает его, и не один раз! Настоящий концертный номер, собиравший у верхнего окошка тюзовского закулисья, откуда актеры обычно наблюдали ход спектакля, толпу. Более поздний общеизвестный аналог – лебедевский шедевр в «Энергичных людях» В.Шукшина.

Бабу-Ягу Лебедева мне посчастливилось видеть несколько раз, правда, уже в поздние годы и только в концертном исполнении. На наших глазах Лебедев вдруг превращался в томную и кокетничавшую старуху, которая время от времени скидывала острые глазки, чтобы проверить, какое впечатление она произвела. Лебедев демонстрировал чудеса актерской техники и полного владения своим телом, лицом, каждой его мышцей: одна сторона дергалась, другая была спокойна; правый глаз плакал, левый смотрел весело; смена выражений происходила в секунды. Казалось,

такого не бывает, просто не может быть, невозможно!

Иногда в статьях встречается ошибочное утверждение, что концертное исполнение Лебедевым роли Бабы-Яги ведет свое начало от Ведьмы в спектакле «Аленький цветочек» в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола. Здесь мы снова встречаемся с тем, что актер Лебедев стал широко известен в более поздний период. На самом деле, и Ведьма в «Алень-

Георгий Товстоногов с артистами БДТ

ком цветочке», и знаменитый концертный номер восходят к спектаклю, который считался «золотым фондом» Русского ТЮЗа и шел многие годы, - «Василиса Прекрасная», поставленная Г. Гинзбургом в 1941 году. По рассказам очевидцев, на сцене стояло огромное дерево, из дулла которого была выдвинута доска. По ней с диким визгом и громким гиканьем съезжала лебедевская Баба-Яга с длинным острым носом и живыми точками – глазами. Театральный костюм был скроен из множества лоскутов, по отдельности прикрепленных друг к другу. Эти подвижные шевелящиеся лохмотья создавали особый эффект. Казалось, что нет отдельно тела и отдельно одежды, а вот эта вся шевелящаяся материя, ветошь, которая зыбко вздыбалась и клочково образно опадала, казалось, это и есть само тело этой сказочной страшной и веселой старухи.

В «Золотом ключике» Лебедев играл пуделя Артемона. Судя по тому, как еще три десятилетия спустя сами артисты вспоминали спектакль и пуделя Артемона, это была выдающаяся работа. Спектакль ставил сам Маршак. Как всегда, он вчувствовался в авторский мир писателя, проникся его мироощущением, его юмором, его особой стилистикой. Артисты рассказывали, что иногда создавалось впечатление, что он почти идентифицировал себя с автором, чуть ли не считал себя Алексеем Толстым. Работая с артистами, он часто говорил: «А вот мы с Алексеем Толстым думаем так...» И не всегда было понятно, шутит он, или говорит всерьез.

Но так же ощущали себя и актеры, «вживаясь» в тех, кого играли. И, конечно, среди всех выделялся Лебедев, в котором острая эксцентрика, гротеск всегда соединялись с глубоким проникновением в сущность образа. Как-то на одной из репетиций он, уже совершенно ощущая себя пуделем Артемона, подошел к столбику на сцене и по-собачьи поднял ногу. Рассказывали, что сам он даже и не сразу понял, почему раздался такой гомерический хохот всех, кто увидел эту сценку.

Как-то Евгений Лебедев привел на репетицию маленькую девушку в морской форме. Это была его сестра, которая приехала из госпиталя после тяжелой контузии, полученной во время боев за Керчь. Неожиданно в середине репетиции она вдруг вскочила и взволнованно прокричала примерно следующее: «Я не понимаю!

Идет война! Может, именно сейчас кто-то гибнет, жизни не жалеет, ради победы, а вы сказочками занимаетесь! Там пули свистят, а тут мой брат собаку изображает!»

На Лебедева это произвело огромное впечатление. Он ушел на фронт добровольцем и оказался в той части, которая дислоцировалась в Керчи. Директору К.Вайсерману пришлось приложить много усилий, чтобы убедить военное начальство в том, что этот артист совершенно необходим ТЮЗу. Константин Николаевич лично поехал за Лебедевым и увез его из Керчи буквально накануне одного из самых страшных сражений, где погибли почти все. Вайсерман сделал «броню от фронта» еще нескольким талантливым артистам. Многие поколения юных зрителей навсегда запомнили этого замечательного человека. Когда заканчивался спектакль, и в последний раз задвигался золотисто-солнечный занавес, на сцену выходил директор К.Вайсерман. Он, как дирижер, взмахивал рукой, из оркестровой ямы раздавался бодрый марш, и, начиная с первого ряда, цепочкой – один за другим – юные зрители покидали зал. Это торжественное «шествие» детей под музыку через весь зал позволяло избежать толкучки и суматохи в раздевалке («Театр начинается с вешалки!») и придавало самому посещению театра вкус значительности и особой праздничности.

Война закончилась, Лебедев так сильно был увлечен работой в ТЮЗе, что, получив письмо от А.Таирова с предложением работы в Камерном театре, просто не ответил на него.

Но вскоре он начал тосковать о России. «Меня не отпускали, - рассказывал Евгений Алексеевич. - Ждали, когда я успокоюсь, смирюсь, привыкну. А я не успокаивался, не смирялся, я тосковал, бунтовал, просил привезти земли русской... Мне ее привезли... в спичечной коробке... из Москвы... Я хранил ее у себя в гримерной». В 1949 году он все же вырвался в Москву и некоторое время работал в Театре Промкооперации.

В том же 1949 году, по приглашению Георгия Товстоногова, возглавившего ленинградский театр имени Ленинского комсомола, Лебедев уехал в Ленинград. Вместе с Георгием Товстоноговым в Ленинград переехала и его сестра Натела. Она была на десять лет младше Евгения Лебедева, и если в Тбилиси между ними ничего и быть не могло, то здесь Евгений влюбился в повзрослевшую девушку. В 1950 году они сыграли свадьбу.

Всякий раз, бывая в Тбилиси, став уже знаменитым, всемирно известным артистом, Лебедев обязательно находил время встретиться с тюзовцами и, по рассказам участников этих встреч, они всегда были радостными, наполненными воспоминаниями и юмором. Веселый возглас при встрече: «Оля! Ты прекрасно выглядишь! Такая же! Ну, ни капельки не изменилась!» Моментальная реплика в ответ: «Не хочешь ли ты сказать, что я так выглядела в мои 25 лет?!» И общий счастливый хохот.

Сердечность и душевная мягкость оставались главными чертами личности Евгения Алексеевича. В 1956 году в Ленинграде он очень тепло приветил мальчишку – бывшего соседа по тбилисскому актерскому общежитию, сына своих коллег О.Беленко и Ю.Новикова, оказавшегося далеко от дома, в период его учебы в Ленинградском нахимовском училище.

Понимая мимолетность и незакрепленность профессии театрального актера, Евгений Лебедев задумывался о том, запомнят ли люди его творчество, его лицо, его голос... Он писал: «Пересматриваешь старые фотографии, свидетели прожитых лет... Если бы не моя профессия, их могло бы и не быть. У артиста только и остается, что фотографии.

Да память тех, кто видел тебя и запомнил...»

ЛАНА ГАРОН
Москва

«Если я забуду тебя, Иерусалим...»

Джемал Аджишвили – ученый, переводчик, лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. Иванэ Мачабели, премии Ильи Чавчавадзе, Парижской премии Грузинско-европейского института, литературной премии «Саба». Почетный гражданин города Тбилиси, профессор, награжден медалью им. Иванэ Джавахишвили, владеет несколькими иностранными языками (восточными и западными). Его пьесы ставились на сцене театра Марджанишвили, театра одного актера им. Верико Анджапаридзе, в Тбилисском муниципальном театре. В последнее время в грузинской периодике опубликованы его собственные стихи. Приводим отрывок из книги Дж.Аджишвили «Пробудись, лира!»

«Ни один народ не прошел через столько мук и страданий, сколько выпало на долю еврейского народа. Судьба лишила этот некогда великий и прославленный народ родины и независимости, рассеяла по всей земле, принудила осесть в чужих краях, где евреев ожидали скорбь и мучения. В Азии и Европе, в Африке и Америке – повсюду один и тот же рок преследовал несчастный народ, который всеми средствами боролся и борется за самосохранение», - писал Илья Чавчавадзе в 1886 году в статье, посвященной еврейскому вопросу. Да, казалось, именно на муки и страдания испокон веку был обречен этот наидревнейший народ. Еще на заре человеческой цивилизации ему довелось испытать четырехвековую неволю в Египте, упоминание о которой и по сей день заставляет

содрогаться каждого верующего еврея. Ежегодно, в Песах, в память о том злосчастном времени, беря в руки мацу (опреснок), он с печалью в голосе запеваёт: «Вот скудный хлеб, который ели наши предки на земле Египетской». Назначение этого ритуала – грядущие поколения должны помнить поразительную историю избавления от рабства. История для еврея в эти минуты не далекое, отвлеченное понятие, а вполне осязаемая реальность, в необычных и драматических коллизиях которой участвует и он сам: «От отцов к детям, от поколения к поколению передается история о выходе из Египта, как лично пережитое, которое невозможно забыть», - гласит еврейская мудрость, подкрепленная библейским наставлением Бога: «Помни день твоего исхода из Египта!»

Мемориал раввинов Грузии

«Этот праздник – наиболее еврейский среди всех еврейских праздников восходит своими корнями к священному прошлому человечества в гораздо большей степени, чем любые другие обычаи и предания всего культурного человечества. Этих традиций придерживаются сейчас, совершенно так же, как много-много веков назад. Мир изменился до неузнаваемости, многие народы исчезли с лица земли, уступив место другим, расширились горизонты. Слово из небытия возникли новые материи, новые силы природы пришли на помощь человеку, чтобы облегчить ему жизнь. И только один этот народ сохранился с тех пор, верный самому себе и свято хранящий память о страданиях предков. Он, как и прежде, молится своему вечному Богу теми же словами тысячелетней давности. Этот народ рабства и свободы – народ Израиля...» (Теодор Герцль).

НАРОД РАБСТВА И СВОБОДЫ

Да, именно еврейский народ, еще в самом своем младенчестве испытавший весь ужас неволи, сумел воздвигнуть нерукотворный памятник свободе и демократии. «На протяжении всей истории человечества Библия была тем великим набатом, который звал людей на борьбу против духовной и политической тирании. Ни один народ не смог выразить с такой силой основополагающую истину о том, что благосостояние государства, в конечном итоге, зависит от благосостояния граждан. Библия самая демократическая книга в мире» (Томас Гексли); на страницах ее четко выразилось то неугасимое стремление к свободе и самостоятельности, которое через множество мук и невзгод смог пронести многострадальный народ Израиля...

Господь освободил евреев из рабства египетского за четыре заслуги – они не меняли своих имен, сох-

ранили родной язык, не открывали священных тайн своих и не отменили Авраамов завет, - читаем мы в одном из памятников раввинской литературы. Как видно, сохранение языка и национальной самобытности причислено авторами Талмуда к самому божественному деянию. «В бытность свою в Египте евреи собирались все вместе и жили одной семьей: они покаялись друг другу свято хранить в своих сердцах союз Авраама, Ицхака и Иакова, не предавать язык своих предков и не говорить на языке египтян, дабы избежать идолопоклонства», - говорится в другом письменном памятнике.

Сорок лет пророк Моисей водил по пустыне вышедших из Египта евреев, сорок лет гонимый народ, страдающий и ропща, шел сквозь ветры и жар пустыни к Земле Обетованной. Впервые после четырехвекового плена соприкоснулся он со свободой; это была первая, быть может, самая мощная за всю историю человечества устремленность алчущей свободы души. И, как некогда сказал Гейне, «после выхода израильтян из Египта слово «свобода» на всех языках мира стало произноситься с еврейским акцентом».

...Что касается ухода в пустыню и сорокалетнего скитания по ней, то, по мнению более поздних толкователей Библии, этот акт также является сакральным, содержащим в себе глубокий смысл: пока человек не отойдет от обыденности, пока не уйдет в пустыню, как это делали древние отшельники и пророки, он не сможет быть готовым к исполнению великой миссии. Воистину, путь к Земле Обетованной лежит через пустыню...

Как известно, Земли Обетованной народ, прошедший через египетское рабство, достичь не смог; даже самому пророку Моисею не довелось ступить на «землю молока и меда». Лишь поколение, рожденное в пустыне свободным, сумело войти в священные пределы Израиля; израильтян же, погибших в пути во время сорокалетнего странствия, история нарекла «поколением пустыни»... Понятие это впоследствии стало обобщающим и определяющим переходные исторические ступени, когда одно поколение приносит себя в жертву ради благополучия последующего. И евреи, гонимые и унижаемые в разных странах – была ли то Франция Людовиков или Англия Ричарда Львиное Сердце, Испания времен инквизиции или самодержавная Россия, не говоря уже о фашистской Германии, - называли себя «поколением пустыни».

«На Кавказе, преимущественно в Кутаисской и Тифлисской губерниях, живет довольно многочисленная группа евреев, известная здесь под именем «грузинских евреев». Они называются так потому, что с незапамятных времен живут во владениях Грузии. Но не только местность дает им право так называться: такое право дает им так же известное сближение в бытовом отношении с коренными жителями Грузии – грузинами. Самый яркий признак сближения – заимствование грузинскими евреями у коренных грузин их языка и алфавита, которыми они пользуются в повседневной жизни своей», - читаем мы в одном из номеров журнала «Еврейский вестник» за 1915 год.

Тбилисская Большая синагога

Да, еврейский народ помнит годы величия, помнит библейских патриархов, псалмопевца Давида и Соломона Мудрого, но помнит он также погромы и гонения. С какой-то фатальной закономерностью бедствия обрушивались на евреев в один и тот же день. День этот 9-е ава по еврейскому календарю (ав – 11-й месяц еврейского календаря: июль-август), по-еврейски, «тиша-беав».

В этот день вышедшим из Египта евреям («поколению пустыни») было знамение свыше, что не достичь им Земли Обетованной («В этой пустыне падут ваши трупы»), ибо усомнились они во всемогуществе Господа, вняв уверениям лазутчиков, утверждавших, что попасть в «Страну молока и меда» невозможно.

Но самым тяжким и невыносимым из всех испытаний был день разрушения Храма, Храма, который в сознании народа олицетворял собой родину и целостность нации, а также воспринимался как символ связи с Богом. Храм этот был Божьим домом, или Святым домом (по-еврейски «Бет ха-Микдаш»), где находилось то, чему поклонялся каждый еврей: «святая святых». Римляне были поражены роскошью Храма, ибо, как позднее признает французский теолог Шарль Вагнер, ничто – «будь то Египет, Афины, Рим – не смогло бы сравниться с бессмертным великолепием Иерусалима».

В 586 году до нашей эры царь Вавилона Навуходоносор разгромил Иерусалим, разрушил первый Храм и уничтожил жителей Иерусалима, а тех, кто уцелел от огня и меча, захватил в плен и увез в Вавилон.

«Царь Навуходоносор поработил Иерусалим, и гонимые оттуда евреи пришли в Картли и попросили у мцхетского старосты землю под оброк. Дал он им ее и поселил над Арагви у родника, что зовется Занави» («Житие Грузии»)...

Вторая волна евреев хлынула в Грузию в I веке нашей эры, когда Иерусалим во второй раз был разбит и уничтожен, на этот раз римским императором Титом Веспасианом, и евреи окончательно лишились родины.

«Веспасиан, кесарь римский, разгромил Иерусалим, и гонимые оттуда евреи явились и сели рядом с потомками прежних евреев» (т.е. присоединились к потомкам бежавших от Навуходоносора евреев), - повествует «Житие Грузии».

К этому времени евреи уже шесть веков жили в Грузии (их называли «грузинскими евреями» или, как сказано в летописи, «уриями грузинскими») и, как видно, преуспели на общественно-культурном поприще. Завершались шесть веков с того времени, как измученные долгими скитаниями иудеи подошли к древнейшей столице Иберии и, осев в ней, обрели вторую родину, - возможно, город, расположенный на склонах гор с первого же взгляда живо напомнил им родной Иерусалим. Основанием для этого предположения служат дальнейшие события, когда Мцхета в жизни еврейской диаспоры Грузии выполнит ту же функцию, что и Иерусалим для евреев всего мира...

Мцхетские евреи поддерживали постоянную связь с Палестиной, «основная часть правления духовенства евреев Грузии располагалась во Мцхета» (З. Чичинадзе) и, очевидно, подобно другим евреям диаспоры, подчинялась диктату Иерусалима. Из Святой Земли сюда часто приезжали служители еврейского культа, т.н. «шалиахи», которые привозили с собой землю с могилы библейской Рахили и раздавали ее тоскующим

Синагога в Тбилиси

по родине соотечественникам. Эта земля, как свято верили люди, была «Божественной землей», и если бросить горсть ее в могилу, то до прихода «Машиаха» (Мессии), т.е. до воскресения из мертвых, тело усопшего сохранится нетленным. Верующий иудей с благоговением покупал эту освященную горсть земли, олицетворявшую для него утраченную родину, а при бракосочетании, во время возвышенного и торжественного ритуала венчания, произносил, как клятву: «Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя», в синагоге же, склонившись в молитве, лицом к Иерусалиму, обращаясь к Всевышнему, обещал: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь!..»

Постоянная связь с Иерусалимом давала возможность грузинским евреям вовремя узнавать обо всем происходящем на Святой земле и реагировать на те или иные события: «Каждый удар пульса в Иерусалиме вибрировал во Мцхета», - отмечает в журнале «Пастырь» за 1888 год известный грузинский священнослужитель, в последующем католикос-патриарх Всея Грузии Кирион II. И вот, во Мцхета прибыл вестник, поведавший здешним евреям, что в Иерусалиме появился человек, «называющий себя сыном Божьим», и что по велению иерусалимских первосвященников «мужами Великого Соборания» будет совершен суд над Иисусом. Для участия в суде собрались в путь Лонгинос Карснели и Элиоз Мцхетели. Мать последнего, отправляя сына в дорогу, просила не становиться соучастником распятия. Благословила его мать и молила сына своего, чтобы он, прибыв в Иерусалим, не стал соучастником надругательства над Иисусом, чтобы увиделся с Ним и принял от Него благословение.

«Не соучаствуй в пролитии Его крови... молю тебя, сын мой, не соучаствуй!»

Отправились в Иерусалим Лонгинос с Элиозом и стали свидетелями распятия Иисуса.

«От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? То есть Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты Меня оставил?»

Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он.

И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом, и, наложив на трость, давал Ему пить;

А другие говорили: постой: посмотрим, придет ли Илия спасти Его.

Иисус же, возопив громким голосом, испустил дух. И вот завеса в Храме раздралась надвое, сверху до низу; и земля потряслась; и камни рассеялись...»

Гул этот докатился и до Мцхета, и, услышав его, мать Элиоза возопила в скорби великой:

«Прощай, царствование Израиля!»

Причитала мать Элиоза, сам же Элиоз «покинул Иерусалим, взяв с собой хитон Господень», вернулся во Мцхета, и вышла навстречу ему сестра его Сидония, прижала к груди хитон Господень и тут же испустила дух. Весть эта сразу же облетела Мцхета, люди пытались разнять ей руки, высвободить хитон из оцепеневших пальцев, но не сумели и были вынуждены похоронить ее вместе с хитонем Господним. Прошло время, и на могиле ее выросло Божественное дерево – «животворящий столп» (свети цховели); на этом месте в четвертом веке была воздвигнута базилика, остатки которой и сейчас находятся в великолепном храме Светицховели.

Эта прекрасная легенда заслуживает всестороннего внимания: более же всего тем, что в фамильной хронике мцхетских евреев, переданной первосвященником Абиатаром, евреи Грузии не упомянуты как соучастники распятия («Когда Христа пленили в Иерусалиме, ни Элиоз, ни Лонгинос не были соучастниками пленения его»). Более того, как показали последующие события, история отвела им особую роль в деле распространения христианства в самой Грузии.

Зураб Кикнадзе: «В Картли еще раз подтверждается генезис распространения христианства. Первые христиане вышли из среды евреев, первыми христианскими соборами стали синагоги, так как именно там было возможно проповедовать веру, семя которой заложено в религии Ветхого Завета, говоря словами Блаженного Августина: «Новый Завет хранится в Ветхом. Ветхий же проявляется в Новом»...»

И далее: «Следует думать, что в Картли, как и в других странах, где расселились евреи, синагога представляла собой общественный и религиозно-культурный очаг в атмосфере язычества, хранивший веру Ветхого Завета. Где, как не в среде евреев, могла встретить внимание и найти опору женщина-миссионер в языческой стране. Потому, разумеется, и обратилась она к синагоге, представлявшей ей религиозным и культурным оазисом. Первым городом в Картли, где Нино какое-то время пробыла среди евреев, был Урбниси: о том, что еще в далекой древности в нем жило иудейское племя, свидетельствует обнаруженный в тех местах в могильнике перстень с еврейскими письменами.

«И достигла я окрестностей Картли, - повествует Нино Саломе Уджармели, - города Урбниси, и увидела народ чужой, служителя чужих богов, поклоняющегося огню, камню и дереву; и смутилась душа моя пагубой их, и пришла я в молельню иудеев, чтобы услышать язык еврейский, и была там один месяц и испытала силу страны этой».

Миссия Нино закончилась блистательно. Слово ее проникло в мцхетскую синагогу и заложило основу общины христиан-евреев.

Первосвященник Абиатар уверовал в то, что эсхатологическое лицо Ветхого Завета – помазанник Божий (Христос), то есть Слово Божье, он же Сын Божий, явился прежде всего для того, чтобы спасти евреев. Поэтому он «без устали денно и ночью проповедовал учение Христа, восславляя Его...» И теперь уже оставшимся в старой вере «грузинским евреям» не было места в мцхетской синагоге. Событие, произошедшее в Иерусалиме, повторилось во Мцхета, в этом новом Иерусалиме евреев: «исход» иудеев из Мцхета был связан с консекацией синагоги в христианскую молельню, что в представлении евреев отождествлялось с разрушением их Храма. Мцхета была местом сосредоточия их, отсюда они расселились по разным уголкам Грузии, где исторически проживают и по сей день.

Таким образом трагедия, разыгравшаяся несколько веков назад у стен Иерусалима, а именно то, что евреи, покинув родину, рассеялись по всему миру, - часто в разных вариациях повторяется на протяжении всей их истории...

Исходя из сказанного выше можно заключить, что грузинские евреи как бы исполнили роль своеобразного медиума между идеологиями Ветхого и Нового Заветов.

Интересен факт, имевший место, по преданию, во II веке нашей эры – во времена знаменитого восстания Бар-Кохбы: евреи восстали против беспощадной тирании римлян; к всенародному восстанию не присоединилась лишь малочисленная каста книжников-богословов. Озлобленный народ заклеил их позорным именем изменников и даже хотел забить камнями, хотя, возможно, перед лицом истории они, эти книжники, по-своему были правы: они оттачивали в своих пещерах последние главы Библии и создавали мудрость Талмуда, ибо прекрасно понимали, что восстание изначально обречено на гибель, так как в Иудее того времени не было силы, способной противостоять римским легионам. Участие в бунте и опьянению хрупкой, недолговечной победой предпочли они нечто великое и вечное. И, отвергнутые соплеменниками, вглядываясь в глубь веков, искали то нужное Слово, которому надлежало спасти дух народа. Наверное, нам, современным людям, погруженным в суету повседневности, или, как говорится, в «текущие процессы», такое понятие гражданственности покажется несколько чуждым и неприемлемым, однако, факт остается фактом: восстание это, как и другие, подобные ему, было подавлено, а уцелевший благодаря Слову народный дух помог евреям, потерявшим 2000 лет назад родину, вновь обрести ее.

Мыслители нового времени говорят о Библии, как о несравненном литературном памятнике; согласно же традиции, для верующего еврея Библия никогда не являлась самостоятельной литературной ценностью, она, прежде всего, была опорой религиозной жизни; этим обусловлено и своеобразное отношение к ее текстам: Библию читали и изучали в синагогах, равнины пытались постичь скрытую в ней истину, она была для них одновременно и философией, и историей, и законом о праве, и моральным кодексом. Говоря иначе, эта книга была образом жизни евреев, которому ни разу не изменили грузинские евреи, поскольку все традиционное, унаследованное ими от предков,

в их представлении было овеяно древнебиблейским ореолом и озаряющим их еще со времен пустыни Божественным сиянием.

Измученная душа Израиля, устремляясь за священными призраками, погружалась в блаженные воспоминания. Воспоминания эти, однако, означали не возвращение к какому-нибудь конкретно-историческому прошлому, а нечто большее, вневременное, вечное; была в них какая-то неосознанная ностальгия, тяготение к истокам человечества, поиск той первозданной, ныне утраченной гармонии, которая настолько сокращала расстояние между Господом и человеком, что повседневность бытия согревалась мощным животворящим дыханием ветхозаветного Бога. А Бог этот и смог мириться с ограничениями во времени, так как время и неотделимая от него тленность в самой основе своей противоречили идее вечности и универсальности. Потому Бог, явившись впервые Моисею, сказал ему, пораженному Божественным сиянием: «Аз есмь Сущий».

И этот вечносущий Бог, присутствие которого ощущал человек еще на заре библейского рождения, за грехи людские (первородный грех, грех Каина и житей Лодомы и Гоморры) постепенно стал отдаляться от человечества, пока не достиг седьмого неба: таково мнение мудрецов Талмуда. «Господь нас оставил, расколол царство надвое и отдалил нас от Храма Господня, полностью пренебрегши родом нашим», - горестно произнесет утративший Бога иудей, устремляя к небу молитвенный взор:

*Крыло светозарное,
Опустись невиданной птицей,
Суть неземного яви мне впервые,
Чтобы, неведающему,
Тайну постичь мне.*

И хотя стараниями и усилиями пророков и праведников расстояние между человеком и Богом время от времени сокращалось, однако разыгравшаяся вследствие тягчайших грехов человечества трагедия оказалась необратимой. И потому в этом необъятном мире не стихает вопль человеческого одиночества и бесприютности:

«Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставил меня!..»

И вот, чтобы вновь обрести Бога, восстановить потерянную с ним связь, древнееврейские мудрецы узаконили язык свой как сакральный, единственный и неповторимый, назвав его «лашон ха-кодеш», то есть «святой язык». Это язык Моисея и библейских пророков, язык псалмопевца Давида и Соломона Мудрого. Пользование им в повседневной практике было ограничено, он применялся лишь в богословско-литургических целях, предназначался для общения с Богом и говорить на нем в бытовых условиях считалось несколько неуместным. Кто знает, возможно, этой повседневной необходимостью и было вызвано возникновение второго еврейского языка – так называемого «идиш», сформировавшегося в средневековой Европе на базе разговорного немецкого языка и не имевшего почти ничего общего с возвышенным языком «лашон ха-кодеш», божественный статус которого должен был изначально быть святым и неприкосновенным. Это раздвоенное стремление к повседневному-бытовому и вневременному, преходящему и вечному, что, очевидно, лежит в самой основе еврейской души, четко

проявляется и в противопоставлении двух культур – ивритской и идишской: первой были созданы Библия в Талмуд, каббалистически-мистические учения, «Зо-хар»; вторая же, в основном, отображает конкретные – ограниченные местом и временем явления. Наметилось два проявления еврейской души: конкретно-локальное и вневременно-космическое.

Как видим, эта духовность еврейства, как единого народа, проявляется в самом генезисе его и несколько выходит за черту привычных для нас понятий народ и национальное, – основанных на географически-территориальных или других локальных категориях...

Существует предание:

Наполеон имел обыкновение по вечерам, переодевшись простолюдином, прохаживаться по городу. Во время этих прогулок наведывался он и в еврейские кварталы. Однажды, выйдя на улицу, в один из таких вечеров он, как обычно, забрел в еврейский квартал и, к своему удивлению, застал его безлюдным. Повсюду, в какой бы дом ни заглянул он, двери оказывались на запоре. После долгих поисков и расспросов дошел он до синагоги и, бесшумно войдя внутрь, стал свидетелем удивительного зрелища: евреи со всего города, все как один, распростершись ниц, горько плакали.

- Какая беда вас постигла, о чем вы так тяжко скорбите?! - изумился Наполеон.

- Оплакиваем разгромленный Навуходносором и Веспасианом Иерусалим, - пояснил один из старейшин.

- Как это, Иерусалим? - еще больше удивился император.

Тогда раввин, с вековой печалью в глазах, обернулся к непонятливому нееврею (по-еврейски: гой) и подробно рассказал ему историю разрушения Храма. Потрясенный услышанным, император воскликнул: «Поистине вы народ вечный, если способны

переживать события двухтысячелетней давности так, словно это произошло вчера...»

Глубокий символический смысл заложен в этой легенде.

Неоспоримо, каждого человека прежде всего интересует его сегодняшней быт, и современные, пусть даже самые незначительные явления будоражат наше сознание больше, нежели величайшие войны, бушевавшие тысячу лет назад, то есть, как говорил Гомер, «более всего сердце человеческое увлекает песнь, повествующая нам о недавно минувших событиях». Евреи в этом отношении составляют исключение, ибо никакая музыка современных празднеств не услаждает им слух так, как звуки фанфар, под которые сплясала свой восторженный танец Мириам, когда пересекла Чермное море три тысячи пятьсот лет назад. Это состояние еврейской души – итог многолетнего опыта, ибо иудей с молоком матери впитывает мудрое поучение отцов: «В каждом поколении еврей должен видеть себя таким, будто он сам вышел из Египта».

В феодальной Грузии евреи большей частью занимались торговлей. В экономическом отношении они делились на три основных слоя: крупных торговцев, купцов средней руки, мелких торговцев. Позднее они занимались также кустарным производством и ремесленничеством. Крепостные же евреи и землю обрабатывали, и виноградники насаждали, и сеяли, и пахали; но что касается каких-либо следов четко выраженного иудейского движения или иерархии служителей культа, по сведениям Веньямина Тудельского (еврейский путешественник XII века), их в феодальной Грузии не наблюдалось; так, собственно грузинская Церковь не проводила антииудейской пропаганды, «вся антиеврейская религиозная полемика, существующая на грузинском, полностью переведена с других языков» (К.Кекелидзе). Церковь, можно сказать, относилась терпимо к грузинским иудеям и социальной почве для какой бы то ни было оппозиции со стороны евреев, пусть даже религиозной, здесь не существовало. Когда же дело касалось обновления интерпретации канонических текстов, назначения служителей культа или же решения всякого рода культурно-юридических вопросов, грузинские евреи подчинялись еврейским академиям Багдада, получая отсюда соответствующие советы и указания.

«С землей Грузии грузинский еврей был связан и слит так же, как и сам грузин. Таким было прошлое евреев в Грузии и таковым является их настоящее. Следует отметить, что о положении грузинских евреев было известно учителям их веры почти во всех странах, начиная с Иерусалима, за что и были они благодарны грузинским царям и правителям. Многие раввины и первосвященники благословляли в своих молитвах грузинский народ, упоминая его перед другими народами как нацию образцовую и достойную подражания в своем сострадании к евреям. Таково было положение евреев Грузии до рождения Христа и после, до XIX века (разговора о XIX веке автор избегает – утверждение самодержавия в Грузии дало «некоторые» плачевные результаты – Дж. А.). Вот такой достойный подражания союз был у них с грузинами, как они прославляли и почитали грузин, так и грузины поддерживали и опекали евреев» (З.Чичинадзе).

Джемал АДЖИШВИЛИ
Перевод Гины ЧЕЛИДЗЕ

Алла Беженцева в гостях у духовоборов

ВРЕМЯ ЖЕНЩИН

Как известно, в тяжелые времена политического неблагополучия, социальных потрясений и культурных катаклизмов одним из сильных рычагов воздействия на ситуацию, действенным способом помощи гражданам становятся общественные движения и народная дипломатия в целом. Ее задачи – серьезные, их трудно недооценить. Ее возможности – если и не безграничны, то действительно велики. А ее так называемая «мягкая сила» становится важным инструментом гуманизации отношений между странами и народами.

Счастливая и уникальная особенность народной дипломатии в том, что для нее, по сути, не существует и не может существовать никаких железных занавесов и преград, потому что ее цели основаны на общечеловеческих ценностях, стремлении к миру и добрососедству, справедливости и законности. Такая дипломатия исключительно искренна, и изначально не может быть иной. А значит, она понятна всем, важна для каждого и не нуждается ни в объяснениях, ни в доказательствах.

Все эти рассуждения могли бы показаться читателю радужными фантазиями автора-мечтателя, если бы не были наполнены реальным, живым содержанием – ежедневной, ежечасной политикой малых добрых дел, которую проводят общественные организации Грузии.

В нашей стране общественное движение вообще и русское, в частности, представлено достаточно весомо. Но одной из по-настоящему авторитетных организаций, завоевавших репутацию и имя, является Союз русских женщин Грузии «Ярославна», на протяжении вот уже десяти лет активно и результативно ведущий гуманитарную, культурно-просветительскую, право-

вую и благотворительную работу.

Союз был создан по инициативе Аллы Беженцевой, которая и возглавляет его все эти годы. Алла Николаевна также руководит Ассоциацией «Женщины многонациональной Грузии», возглавляет отдел Комиссии Президиума Международного совета российских соотечественников (МСРС) по делам женщин. Она – доктор технических наук, кавалер ордена Чести и ордена Екатерины Великой III степени, вице-президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», член редколлегии общественно-художественного журнала «Русский клуб», профессиональный тренер по конфликтологии, лидерству, защите прав человека.

А начиналось все 15 лет назад, когда успешный инженер-конструктор Беженцева, лауреат Госпремии СССР, осталась без работы. Тбилисский проектный институт «Грузипрогорстрой», как и многие другие институты, был закрыт.

Как ни странно, но именно в те голодные и холодные годы разрухи и разрушений культурная жизнь в Тбилиси не только не угасла, но даже активизировалась. В 1997 году профессор Игорь Богомолов пригласил А.Беженцеву в Русское культурно-просветительское общество, где она возглавила два отдела – культурный и молодежный. Кстати, одна из первых молодежных организаций – Международная ассоциация молодежи Грузии – была основана на базе этого общества, функционирует по сей день и спланирует русскоязычную молодежь страны.

И сложилось так, что именно к А.Беженцевой со своими бедами и проблемами потянулся самый ущем-

ленный пласт населения – пожилые русские женщины. Как это ни горько звучит, но в подавляющем большинстве это были некогда востребованные и активные члены общества – уволенные педагоги и театральные деятели, оставшиеся без работы сотрудницы заводов и фабрик, вдовы офицеров, служивших в Закавказском военном округе, пенсионерки. В их числе была даже народная артистка СССР, легендарная прима Грибоедовского театра Наталья Бурмистрова! В одном из интервью А.Беженцева в сердцах сказала: «Пусть не обижаются на меня русские, но кавказцы своих стариков не бросают!»

Женщины нуждались в моральной поддержке, в общении. Но не только. Им была необходима помощь в оформлении гражданства, получении паспортов, заполнении документов на пенсии и пособия, ведь многие из них толком не знали, куда обращаться, да и были не в состоянии грамотно заполнить документы на грузинском языке.

У Аллы Николаевны естественным образом возникла идея создать Союз русских женщин Грузии, который получил замечательное «говорящее» название «Ярославна» и активно занялся благотворительной, гуманитарной и правовой поддержкой нуждающихся. Идею поддержала В.Баланчивадзе-Крайняя, ректор

Рабочий момент конференции

Тбилисской Детской интеллектуальной академии «Мир искусства – детям», которая стала соучредителем и заместителем председателя Союза. При поддержке Посольства России Союз был в состоянии оказывать материальную помощь пожилым женщинам, проводить вечера-чаепития, где встречались русские и грузинские женщины. Автором и ведущей вечеров была актриса Алена Васильева. (Само собой, сегодня все это в прошлом).

А вскоре по инициативе Союза «Ярославна» была создана и Ассоциация «Женщины многонациональной Грузии», в которую вошли представительницы разных этнических групп, и таким образом впервые в истории сформировалось единое женское общественное движение страны. Возглавила Ассоциацию Алла Беженцева. Ну что ж, как откровенно и эмоционально заявила Алла Николаевна: «Если мужчины не могут договориться, пора за дело браться женщинам!»

При Ассоциации организован Центр правового действия женщинам «ЭТНО», который, в частности, занимается переводами законодательства Грузии на русский, армянский и азербайджанский языки. Кроме того, для женщин были созданы курсы по финансовому менеджменту, компьютерные и языковые курсы.

В 2010 году Союзом проведен круглый стол «Творческий, интеллектуальный и социальный потенциал

женщин – лидеров», в котором приняли участие представительницы 8 стран (Грузия, Дания, Казахстан, Литва, Македония, Россия, Словакия, Финляндия) – женщины – лидеры общественных международных организаций, активные члены Постоянной Комиссии по делам женщин при МСРС. Целью встречи стал обмен актуальной информацией по темам «Женщины, общество, власть», «Сохранение русского языка и традиций славянской культуры», «Соотечественницы за рубежом», «Женская народная дипломатия», «Искусство – мост дружбы (интеллектуальный и творческий потенциал соотечественниц)». Круглый стол был завершён пресс-конференцией в Тбилисском международном пресс-центре РИА Новости.

Надо признать, что вопрос участия женщин в жизни страны и гендерного равноправия вообще не обошёл своим вниманием и государство. Так, недавно в Тбилиси состоялась конференция «Национальный план действий по реализации политики гендерного равноправия на 2011-2013 годы – цели и возможности». Организаторами конференции стал Национальный демократический институт (NDI) и Парламентский совет по вопросам гендерного равноправия. Председатель Парламента Грузии Давид Бакрадзе в своём вступительном слове отметил, что «достижение гендерного равноправия является одной из важнейших целей среди основных Целей развития тысячелетия, а защита прав женщин, забота об их благосостоянии и обеспечение равного представительства женщин во всех сферах общественной жизни является главным обязательством для любого государства, а не риторикой». Как подчеркнул Д.Бакрадзе, женщина всегда занимала важное место в обществе, именно поэтому необходимо предпринять усилия, дабы обеспечить реальное участие женщин во всех сферах общественной жизни.

Кстати, в работе конференции приняли участие более 200 делегатов. Что ж, остается только радоваться тому, что наше государство, так же, как и все мировое цивилизованное сообщество, осознает и берет под свой контроль столь важный и актуальный вопрос.

За 10 лет в «Ярославне» сложились устоявшиеся традиции ежегодных мероприятий, это – практические семинары для педагогов русского языка, творческие конкурсы для учащихся русских, армянских, азербайджанских и грузинских школ столицы и регионов, выставки и концерты, бесплатные правовые консультации. Признаюсь честно, если не то чтобы подробно рассказывать, но просто перечислить все то, что сделано Союзом за эти годы, понадобится далеко не один десяток страниц журнала.

Во время трагических событий августа 2008 года в «Ярославну» непрерывно звонили горожане, приходили с предложениями о помощи, приносили еду для пострадавших. Но Союз сам помогал попавшим в беду соотечественникам и всем беженцам. Было организовано ежедневное питание до 500 человек, задействованы общественные фонды и приобретенные предметы первой необходимости – лекарства, белье, средства гигиены. Как говорится, не дай бог, чтобы помощь Союза еще раз понадобилась в таких ужасных обстоятельствах...

Приоритетным направлением деятельности «Ярославны» остается гуманитарное – сохранение ареала русского языка в Грузии, популяризация духовных ценностей русской культуры, налаживание творческих контактов с соотечественниками по всему миру, преодоление разобщенности и их консолидация и, как следствие, работа по созданию позитивного имиджа культурной России.

На презентации

Есть в истории Союза и особая страница – это помощь духовборцам Грузии.

Впервые в духовборческие села Ниоцминдского района страны А.Беженцева попала в 2001 году. Сегодня из восьми сел сохранилось два, основным населением которых являются пожилые люди, около 450 человек. Центром остается Гореловка. «Ярославна» организовала духовборцам медицинскую помощь, привезла к ним врачей, лекарства. Свыше 150 человек обследовались и прошли лечение. В течение года в Гореловке бесплатно работал юрист, были восстановлены документы, пенсии, официально возвращены дома. Сами собой сложились и теплые человеческие отношения. Духоборцы поняли, что А.Беженцева живет и болеет их проблемами, и начали делиться удивительными воспоминаниями, рассказывать об интересных, во многом неизвестных событиях. В результате Алла Николаевна написала книгу «Страна Духобория», в которой содержится подробная история духовборчества как христианско-протестантского учения, рассказ о судьбах его проповедников, о жизни духовборцев в Грузии и Канаде.

Недавно «Ярославна» вновь постаралась привлечь внимание властей и общественности к проблемам духовборцев. К 170-летию их переселения в высокогорный район Джавахетии в Национальной парламентской библиотеке Грузии прошел круглый стол «Русская глубинка в горах Грузии», на котором А.Беженцева представила обстоятельный доклад. Главной целью мероприятия было лоббирование инициативы «Ярославны» о предоставлении некоторым историческим памятникам духовбор музейного статуса для сохранения уникального культурного наследия.

Стоит подчеркнуть, что в работе Союза очевидно наблюдается яркая и очень своеобразная черта – «Ярославна» счастливым образом сочетает как заботу о славном прошлом великой культуры, так и живо откликается на самые актуальные и злободневные проблемы сегодняшнего дня, которые являются насущными, жизненно важными для современников.

Например, нет необходимости напоминать о том сложном положении, в котором оказались носители рус-

ского языка в Грузии. После того, как большинство средних школ с русским языком обучения было закрыто, многие преподаватели остались без работы, а молодежь, получившая высшее филологическое образование, не может найти применения своим знаниям. Естественно, что тема обучения русскому языку как иностранному стала особо актуальной. Поэтому Союз «Ярославна» начал проводить цикл мероприятий, направленных на изучение методики преподавания русского языка нерусскоязычным. Первый семинар на эту тему уже состоялся.

Не могу не рассказать еще об одной благотворительной акции «Ярославны», которая тоже стала доброй традицией. Вот уже около 10 лет 24 июля, в день святой Ольги, члены Союза русских женщин Грузии и Союза русской молодежи Грузии (председатель Александр Беженцев) навещают монахинь Ольгинского женского монастыря близ Мцхета, древней столицы Грузии. Обитель монастыря теперь только четыре: игуменья Раиса из Воронежа, сестры Вера и Мариам с Кубани, Матрона из Санкт-Петербурга. Женщины уже более 20 лет живут в этом монастыре. Сейчас они уже не спускаются во Мцхета, поскольку находятся в очень преклонном возрасте. Живется монахиням тяжело. Нет подсобного хозяйства, нет прихожан, а значит, нет и доходов от продажи свечей, совершения обрядов... Именно поэтому «Ярославна» и СРМГ регулярно передают старушкам продукты, лекарства, бытовой инвентарь, предметы первой необходимости. Как искренни и трогательны были слова игуменьи Раисы, адресованные дарителям: «Слушайте нашу службу, и Господь запишет ваши имена в Великую книгу жизни...»

Итак, Союз русских женщин Грузии «Ярославна» отметил свой первый «круглый» юбилей – десять лет. Казалось бы, самое время подвести первые итоги. Но, уверена, что как раз этого и не произойдет. У Аллы Беженцевой на это просто не найдется свободного времени, потому что она живет, как жила – предпочитает смотреть в будущее, нежели оглядываться в прошлое.

Нина ШАДУРИ

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ДУШИ

В 2012 году в московском издательстве «ИНДРИК» вышел научный сборник «Техники и технологии в сакральном искусстве. Христианский мир. От древности к современности» (издатели – Российская Академия художеств и НИИ истории искусств). Составителем и ответственным редактором издания выступила академик А.В.Рындина.

Предлагаем вашему вниманию статью Михаила Мчедlishvili, художника, мастера лицевого шитья икон-портретов святых и подвижников церкви.

С детства я любил рисовать людей. После окончания художественного училища работал художником-ювелиром. С начала 1980-х годов стал посещать церковь. Жизнь, которой я жил, не нравилась, возникало много проблем духовного характера, начались поиски человека, который смог бы мне помочь, и кому я мог бы полностью довериться. Божьей милостью встретил замечательного архимандрита Рафаила (Карелина), который и до сегодняшнего дня окормляет нашу многочисленную семью. Однажды я находился в приемной Патриархии и увидел на стене небольшой вышитый «Болнийский» крест. Я был просто ошеломлен – неужели нить может такое? С того дня приобрел нитки, иглы и по сей день вышиваю. Первые работы – это вышитые лики древних грузинских подвижников IV века, сирийских старцев. Архимандрит Рафаил, увидев первую работу преподобного Шю, благословил этот жанр и сказал: «Запомни, это есть лекарство для твоей души».

До этого времени я уже делал некоторые заказы

для Грузинской Патриархии – кресты, панагии. Вышивая икону, вспомнил знания ювелирного дела, гравюры и чеканки. В частности, работая над иконой святого Николая Чудотворца, вышитый лик решил оправить резным серебряным нимбом, украшенным полудрагоценными камнями. Для его исполнения использовал шесть солдатских медалей «За отвагу». Это решение как нельзя более соответствует образу святителя Николая – защитника несправедливо пострадавших, посекающего зло мечом духовным. Медали были провальцованы и припаяны друг к другу в форме полукруга. Предварительно был приготовлен тщательный карандашный эскиз нимба в натуральную величину. Этот эскиз приклеил к серебряной заготовке и по контурам вырезал аккуратно лобзиком. В местах, предварительно обозначенных, были напаяны касты (гнезда) для уже обработанных камней. Отшлифованный, отполированный нимб был завершён гравировкой, оживившей лиственный орнамент.

Еще несколько раз я использовал металл в украше-

нии нимбов святых, в частности, в иконе Богородицы «Владимирской», где также сделал эскиз лиственного орнамента, который вырезался и обрабатывался, как нимб на иконе Николая Чудотворца. Иначе исполнен нимб для образа Богородицы «Чаши Неупиваемой». Он был вышит голубым цветом, а сверху прикреплен серебряный, украшенный синими сапфирами венец, который снизу подсвечивался голубым шитьем. Сверху прикреплена позолоченная корона с жемчугами, аметистами и рубинами. Младенец-Спаситель сидит в золоченой резной, украшенной аметистом чаше. Среди моих ювелирных работ мне представляется наиболее удачной панагия в честь Архангела Михаила, где были использованы любимые камни духовенства: аметисты, рубины, бирюза, цирконии (всего около двухсот). Нимб на иконе Ильи Пророка – серебряный с большими полудрагоценными кабошонами из рубинов и аметистов – замыслен в соответствии с символикой образа.

Настал момент, когда я отказался украшать образы ювелирными деталями. Перестав пользоваться пальцами, я стал натягивать холст на подрамник. Эскиз должен быть именно для вышивки, хотя многие и используют в шитье эскизы для живописных работ; мало того, он должен быть очень тщательным. Холст желательно иметь мелкозернистой фактуры. Эскиз должен быть на 8-10 процентов больше, чем задуманная работа, поскольку по причине натяжения нити она будет чуть сжиматься.

Нанеся главные контуры на холст через копировальную бумагу и начав вышивать, я все время корректирую контуры, потому что при вышивании отдельных деталей схема иногда нарушается, и здесь по ходу приходится что-то изменять.

Работаю в определенном порядке. Сначала вышивается центральная часть головы, затем заполняются по кругу и другие части лика – тогда почти исключается деформация деталей. Вышитые части желательно за-

Святой Симеон Столпник

крывать, чтобы, касаясь рабочей рукой, не пачкать и не свалить уже вышитое. Хорошо, если не придется работу стирать. (Нитки желательно предварительно проверить на качество, чтобы при стирке они не полиняли).

Нитки я использую разные. Раньше, когда из-за рубежа ничего не поступало, на юге можно было достать только отечественное мулине – вот ими и вышивал. Сейчас возможностей больше – лики и руки вышиваю шелком. Орнаменты и цветы выполняю вместе со всей вышивкой. К фону перехожу в конце, техника его вышивания ничем не отличается от основной работы. Если он изобилует деталями, то выполняю сначала его, оставляя по контуру свободные места для деталей, чтобы не случилось перетяжки или деформации. Что касается фактуры лика, то мелкие стежки нельзя сильно затягивать, чтобы его не деформировать. Если после окончания работы есть некоторые выпуклости деталей, то их достаточно просто смочить и выровнять горячим утюгом, при условии, что нитки качественные.

Что касается световых эффектов, то они частично зависят от эскиза и композиции. Желательно, чтобы контуры и основные линии не ломались, а закруглялись

Бетанские старцы Иоанн и Георгий

мягко, и потом зашивались нитью по их форме – таким образом вышитый объем будет обладать световым эффектом. К сожалению, работу после завершения приходится помещать под стекло, от чего световой эффект частично страдает.

Все это касается технической стороны. По ходу работы случаются некоторые трудности, которые со временем преодолеваются, но все же считаю, в работе над иконой главное благоговейное отношение к той личности, над образом которой трудишься. Святой должен быть все это время в твоём сердце, подвиги его должны удивлять, мы должны как бы дышать с ним одним воздухом. Я знаю известных художников, так и не сумевших написать ни одной иконы, потому что святой для них – такой же человек как и они сами. Они считают, что достаточно владения кистью и опыта. Я знаком с одной известной вышивальщицей, у которой очень неплохо получались натюрморты, а святые образы – не слишком, хотя техника у нее была высшего класса. В конце концов, она перестала вышивать святые образы, думая, что это ее решение. Я думаю, что это у нее отнялось высшими силами. Главное условие в работе над святым – художник должен знать, что он не только вышивает, но и общается с небожителями. Каждый образ должен быть сперва вышит художником в своем сердце. Архимандрит Рафаил говорит, что

Архимандрит Рафаил с духовными чадами

мои соавторы это те святые, которых я вышиваю, ведь икона пишется или вышивается не для рассмотрения, а для молитвенного созерцания. Икона – это встреча с тайной бытия.

Работа над иконой захватила меня. Частое посещение храмов, богослужений, чтение духовной литературы полностью изменили мою жизнь. Святые стали входить в мою жизнь, навсегда стали мне близкими. Архимандрит Рафаил говорил: «Будешь работать над образами святых – и они в чем-то будут преображать твою душу».

В середине 1990-х годов Посольство Грузии в России пригласило меня в Москву для проведения выставки, где мы задержались с семьей на целых двенадцать лет. В творческом плане московский период стал для меня особым. Изобилие духовной литературы, участие в выставках дали новые идеи. Сегодня, я могу сказать, что выдержать московский ритм жизни со сложными ситуациями, помогли те святые, над образами которых я работал, и, конечно, моя православная супруга Екатерина, которая приняла на себя весь груз московского быта.

После нескольких посещений храма Николая в Кленниках, где находятся мощи святого Алексия Мечева, возникло непреодолимое желание вышить его образ на фоне Маросейки революционных дней.

Помню, как в храме Троице-Голенищеве приобрели книжку о житии недавно прославленной Матроны Анемнясевской (Рязанской). Там же в храме была и икона старицы. Ознакомившись с житием блаженной, я был потрясен удивительной жизнью святой, вернее сплошным подвигом духа. Как можно было столько пострадать от родни, потом от власти и оставаться на такой духовной высоте. Хотя я и понимал, что жизнь Божьих угодников непроста, полна многих искушений, в этих искушениях закаляется их дух и приобретает смирение, и за это посещает их благодать Божья. В работе над образом старицы я допустил ошибку – страдания, которые ей пришлось пережить, оказались отображенными на ее лице. Отец Рафаил, увидев работу, сказал, что Матрона всех простила, а на лице этого не видно. Дважды мне пришлось перешивать ее образ.

В свой московский период освоил и золотное шитье, вышив образ Спаса Вседержителя. Но сердце мое все-таки лежало к вышитым обыкновенной гладью образам. В нитке самой достаточно декоративности.

В те же годы возникло желание сделать несколько

духовных портретов людей, которых я знаю или знал, потому что жизнью своей они меня удивляли, вызвали чувство благоговения. И старец афонский Паисий рекомендовал делать портреты современных подвижников. И вот первый портрет я сделал самого Паисия, который своей жизнью и замечательными книгами помогает современным православным.

Потом я сделал портрет послушницы Агриппины, которую знал долгие годы, удивительную подвижницу, которая полностью исполнила заповеди любви к Богу и людям. Этот духовный портрет участвовал в нескольких московских выставках. Люди, не знавшие ее, подходили, спрашивали кто эта удивительная женщина. В чем успех этой работы трудно сказать, знаю, что очень люблю ее, для меня она просто духовный герой. После этой работы, с Божьей помощью, сделал портрет схимонахини Александры, долгожительницы, за которой уха-

Послушники Анастасий и Агриппина

живала Агриппина. Это была замечательная женщина – обладатель нравственного благородства, основанного на любви. И еще портрет иеромонаха Василия, основавшего недалеко от Тбилиси монастырь в честь Василия Великого, в котором без помощника служит еженощно литургию. Вышил два портрета всеми любимого и уважаемого архимандрита Рафаила, который всю жизнь помогает нам и я считаю его соавтором своих работ.

Иконописец должен помнить, что нимб, который обрамляет лики святых – это символ Фаворского света, ибо святой смотрит в наш мир из вечности. Конечно, большая удача для художника, если удастся в работе над иконой достичь главной цели – через земное показать небесное, через вещественное – духовное, ведь настоящая икона дает человеку возможность соприкоснуться с вечностью, пережив ее в своем внутреннем, духовном, религиозном опыте.

Михаил МЧЕДЛИШВИЛИ

ОКНО В ИСКУССТВО БЕЗ ГРАНИЦ

В центре Тбилиси, на проспекте Руставели, обрело новую жизнь здание бывшего Кадетского корпуса, возведенное в 1909 году.

И вот теперь здесь возник новый музейно-выставочный комплекс. Инициатором его создания стал Зураб Церетели – президент Российской академии художеств, народный художник России и Грузии. Родным для художника остается Тбилиси, здесь он закончил Академию художеств, здесь начинались его творческие искания.

По замыслу Церетели, комплекс должен войти в интернациональную музейно-выставочную структуру. Его задача – формирование единого культурного и художественного пространства, объединяющего людей искусства разных стран.

Реконструкция здания под современный музей с 2005 года, наконец, завершилась. При этом, главенствовала идея синтеза истории и современности – сохранен исторический облик здания, его внешняя архитектура, но в решении внутреннего пространства были использованы новые архитектурно-конструкторские идеи (архитектор Гиви Метревели, инженер-строитель Давид Пирцхалаишвили, дизайнер Ния Мгалоблишвили).

Новая эпоха требует нового мышления, взгляда в создании современного музейного пространства. В результате реконструкции возникло около 3000 квадратных метров выставочной площади. Кроме выставочных залов, здесь разместятся научно-образовательный центр, детская студия, библиотека, конференц-зал, арт-салон, кафе. Бывшая дворовая галерея с классическими колоннами, лепниной и роскошной чугунной решеткой теперь служит чем-то вроде парадного вхо-

да в один из самых неординарных выставочных залов комплекса. Это внутренний трехсветный атриум со стеклянными перекрытиями. На втором этаже проходит классическая анфилада выставочных залов, она получилась двухсветной с перекрытием из стальных ферм. Этот этаж и антресоли над ним задуманы как единый ансамбль. Здесь будет размещаться постоянная экспозиция работ Зураба Церетели.

Музейно-выставочный центр Зураба Церетели открылся его персональной выставкой, которую представили Российская академия художеств и Московский музей современного искусства, созданный самим художником 12 лет назад. Это был первый в России музей нового типа.

В Тбилисском центре Церетели будут экспонироваться международные выставочные проекты, проходить лекции деятелей культуры, мастер-классы под патронатом Московского музея современного искусства, который 11 лет возглавляет внук художника Василий, тоже художник и музеевед. В организации тбилисского центра принимала участие вся семья – дочь Лика, художница, искусствовед, и младший внук Зураб, тоже художник.

Открытие музейно-выставочного центра Зураба Церетели было запоминающимся. Вход строго по приглашительным билетам, в фойе – плотный ряд телекамер всех грузинских телеканалов, выстроившихся в ожидании высоких гостей. Сначала появился мэр Тбилиси Гиги Угулава, потом прибыл президент Грузии Михаил Саакашвили, который открыл центр и осмотрел выставочные залы комплекса.

В этот день среди приглашенных можно было увидеть Эльдара Шенгелая, Нани Брегвадзе и ее дочь

Эку Мамаладзе, известных грузинских художников. Среди гостей, окружавших виновника торжества, были художник, балетмейстер Борис Мессерер, супруг Беллы Ахмадулиной, писатель Виктор Ерофеев. Они прибыли не только на открытие выставки, но и по другому важному делу – снимать фильм о Белле Ахмадулиной. По их признанию, в фильме о ней просто невозможно обойти Грузию, Тбилиси.

Тбилисская выставка художника открывается монументальной композицией «Аргонавты», установленной в трехсветном атриуме со стеклянными перекрытиями, в центре зала, а на стенах – одноименная графическая серия – вариации на эту тему, где переплетаются мифология, история и этнография. В конце внутреннего двора музея установлена другая монументальная композиция «Яблоко», это авторское повторение пространственного объекта в Галерее искусств в Москве, на Пречистенке.

В экспозиции залов первого этажа размещены графические работы (их около ста) и эмалевые панно, а

встречают посетителей неординарные скульптуры из проволоки и каких-то металлических деталей. Они искрятся фантазией, легкостью и особой иронией. Я обратила внимание, что эти скульптуры привлекают молодежь, которой всегда интересно, как из ничего сделать что-то. Что же касается графики, то для Церетели это одна из основ его творческой лаборатории, именно здесь ведется поиск пластических и композиционных решений, здесь рождаются образы, которые потом он воплощает в живописи, скульптуре, эмали... А для зрителей его графика это показатель высочайшего профессионализма.

На втором этаже музея разместились скульптурные композиции «Мои любимые художники» - «Пиромани и Руссо» и «Пикассо, Матисс, Модильяни, Шагал, Ван Гог». Творчество этих великих мастеров оказало огромное влияние на формирование молодого Зураба Церетели. В его творчестве еще сказывается интерес к народному и наивному искусству, к мифологии и городскому фольклору Тбилиси. Иначе откуда взялись бы незабываемые колоритные сюжеты, образы, характерная пластика жителей старого города, где юмор, ирония, сарказм создают живую реальность существования.

Здесь же представлено более ста живописных полотен разных периодов, таким образом, мы можем проследить эволюцию творчества мастера почти за полвека. От этюдных, жанровых композиций небольшого размера до монументальной живописи – и во всем угадывается поиск собственного восприятия современника и новых ракурсов его подачи. На антресолях разместились также специальный фотораздел выставки с историей жизни Зураба Церетели. На фото отражены моменты творчества, общение с семьей, друзьями и коллегами, встречи с выдающимися деятелями искусства, науки, культуры и политики.

О дальнейшей работе Тбилисского музейно-выставочного центра и его перспективах рассказал Василий Церетели, директор Московского музея современного искусства:

- Постоянная экспозиция останется на втором этаже и антресолях, а весь первый этаж – это не просто выставочный зал, здесь будут осуществляться интересные кураторские проекты. Мы предполагаем устраивать различные выставки, организованные вместе с Российской академией художеств, Московским музеем современного искусства и со всеми международными музеями – у нас есть прекрасные контакты с ними, есть опыт, наработанный за 12 лет. И мы будем делать совместные проекты, выставки, которые будут интересны всем. Это может быть диалог с локальными художниками или выставки международного уровня, рассчитанные на повышение квалификации или на образование, когда будут устраиваться специальные экскурсии для детей, детская лаборатория, которая в рамках экспозиции даст возможность детям рисовать и создавать интересные вещи. А когда Зураб будет приезжать в Тбилиси, он будет проводить мастер-классы и для молодых художников, и для детей. Кроме того, мы обязательно будем привлекать кураторов из Грузии, чтобы создавать проекты для грузинских современных художников, и таким образом установить диалог с разными странами и культурами. В Грузии много талантливых художников, есть центры современного искусства. Мы безусловно хотим и будем показывать все самое лучшее, самое интересное, что есть в Грузии.

Вера ЦЕРЕТЕЛИ

ШИК, БЛЕСК, КРАСОТА!

Тончайшие ткани, эксклюзивная обувь, модные сумки, изысканные аксессуары... Девушкам порой трудно устоять перед соблазном приобрести еще одну небольшую, но, наш взгляд, важную для создания своего, неповторимого, стиля деталь гардероба. Почему бы и нет? На то мы и зовем слабым полом, чтобы иногда, время от времени, позволять себе маленькие слабости.

Шик, блеск, красота!, - подумала я, перешагнув порог салона «Tiko&Nino» в районе Верз. Именно эти слова из жаргона Элочки Щукиной – первое, что приходит на ум, когда попадаешь в мир изделий, созданных в этой небольшой, но уютной мастерской. И пусть, милые дамы, вас не смущает сравнение с героиней И. Ильфа и Е. Петрова. Когда сталкиваешься с рукотворной красотой, слова неуместны.

Салон «Tiko&Nino» - чуть больше чем просто салон. Это дом – уютный теплый дом, куда клиенты приходят не только за модной вещицей, но и поболтать по душам за чашкой кофе, обсуждая последние тенденции моды. Вот и я растаяла, очарованная украшениями с тонкой вышивкой и нежным орнаментом. Уходить, когда тебя окружают жемчуга, шелка, бархат, атлас и теплая атмосфера, не хотелось... Нани Бреговдзе, Эка Мамаладзе, Лела Цурцумия, Лиза Багратиони, Нато Гелашвили, Марина Беридзе, Нури Капанадзе, Ника Меманишвили, Ачико Мепаридзе... Перечислять остальных звезд грузинского шоу-бизнеса и представителей политической элиты, которые являются постоянными клиентами «Tiko&Nino», не стоит. Лучше предоставим слово самой хозяйке. Знакомьтесь, гости журнала «Русский клуб» - Тика Небиридзе и ее мама, Нино.

- Тика, сейчас ты модный дизайнер, у которого одевается весь цвет грузинской эстрады. А как все начиналось?

- Я закончила сначала художественное училище имени Николадзе, затем – Академию художеств Грузии. Правда, училась на факультете живописи, а не дизайнерского мастерства. Какой-то период была увлечена фотографией и даже закончила модную тогда фотостудию, но потом поняла, что это занятие не станет для меня профессией, поэтому подумывала, чем бы заняться другим. Пока раздумывала, решила помочь маме, которая в то время владела небольшим Домом моды в Сололаки. Спустя полгода я задумалась – займусь-ка пошивом обуви. Почему бы нет? Я так загорелась этой идеей, что остановить меня было невозможно. При этом я не имела никакого представления о том, как шьют туфли.

- А кто ты по гороскопу?

- По гороскопу я Весы, но не типичные. Весы обычно витают в облаках. Я не такая. У меня другой характер – поставлю цель и обязательно добьюсь своего. После того, как решение об открытии собственного дела было принято, я направилась прямоком в маленькую обувную мастерскую на проспекте Руставели и буквально напросилась в подмастерье. Мне хотелось изучить весь процесс, все технологические ню-

ансы, связанные с пошивом обуви. Через три месяца ателье обанкротилось и закрылось. Тогда я решила открыть свой салон. Это было очень большим риском – я еще недостаточно знала о том, чем собиралась заниматься, ведь три месяца – это ничтожно малый срок. Да и опыта у меня практически не было. Зато было большое желание. И я рискнула. По соседству с салоном мамы, на улице Мачабели, нашла мастерскую, которая сдавалась в аренду. На удачу, оказалось, что это бывшее обувное ателье, в котором сохранились станки, необходимые и для моего дела. Дело происходило десять лет назад. На взятые в долг 500 долларов я начала свою деятельность. Хотя, по правде говоря, деятельность – это громко сказано. Это был тяжелый труд. В течение первых полутора лет я буквально жила в мастерской, спала всего три часа в сутки. Иногда приходилось засыпать на рабочем столе закрытой. Надо было за всем уследить. Было сложно.

- Как находили первых клиентов?

- За эти годы я поняла важную вещь, которая стала принципом моей работы. Самая лучшая реклама – это твоя работа. Я выполняла заказы, изо всех сил стараясь сделать продукцию высокого качества – часто за счет нервов и недосыпания. Это был самый трудный период, потому что все начинала с нуля. Но я думала – если у других получается, почему у меня не должно получиться? Передо мной стояла цель – довести начатое дело до конца. И я упорно шла к ней. Так потихоньку встала на ноги. Вскоре количество заказов прибавилось настолько, что пришлось набрать людей, хотя вначале я наняла всего двух помощников. Коллектив, в том виде, в котором есть сейчас, сложился не сразу. Уходили одни, приходили другие. К счастью, остались самые верные люди, которые до сих пор рядом со мной. Они понимали, что эта моя затея была чем-то вроде эксперимента, в котором и они принимали важное участие.

- «Кто не рискует, тот не пьет шампанского» - это про тебя.

- Прошло несколько лет, когда однажды раздался неожиданный звонок. Звонили из Банка Грузии (мама была клиентом банка, на чей кредит и был открыт первый салон). Нам сообщили, что в Тбилиси с нами встретится министр финансов США, находившийся с визитом в Грузии. Оказалось, что наш проект попал в число трех наилучших бизнес-кредиторов – клиентов банка. Американский гость посетил сначала салон мамы, а затем мой. Видимо, ему пришлось по душе наше семейное дело, потому что через пару дней связались из банка и заявили, что если у нас есть планы по расширению бизнеса, то по просьбе американского экономиста готовы предоставить нам кредит на любой срок. Тогда мы и переехали в новый салон, где вы сейчас находитесь. Работаем здесь уже семь лет. Круг заказчиков значительно вырос, к нам стали приходиться клиенты высокого ранга. Так мы вышли на другой уровень.

- Ты начинала с обуви. Как перешла на аксессуары?

- На аксессуары перешла после того, как в личной жизни произошли перемены. Моему старшему сыну 19 лет, а недавно я родила еще мальчиков-близнецов. После этого я вернулась в привычную колею, поняла, что сегодня заниматься обувью уже неактуально. Все больше людей стали производить ее. В конце 90-х годов в Тбилиси была всего пара салонов подобно моему. Сегодня их не счесть. Тогда стала думать, чем еще можно было бы заняться? Какая ниша сегодня свободна? Оказалось, что дизайнеры сейчас делают все – шьют, вяжут, вышивают. Но я не нашла никого, кто делал бы воротники и аксессуары на шею, которые могут украсить любое, даже самое простое платье. Выставка первой коллекции состоялась в конце прошлого года в ТВС-галерее. Я рада, что она прошла успешно. Посетителям так понравились мои изделия, что некото-

рые захотели приобрести их. Сейчас работаю над новой коллекцией. Если предыдущая серия была зимней – преобладали кожа и мех – то новая предназначена для лета, сделана она из более легких материалов.

- А как с обувью?

- Я продолжаю ее изготавливать. Это дело, которое я никогда не брошу, так как вложила в него очень много сил. И потом, украшения на шею создаю не по заказу, как обувь и сумки, а на свой вкус. Потому что заказчик, как правило, не может объяснить, что именно он хочет. Мне достаточно знать, на какое мероприятие клиент собирается надеть его – на свадьбу, день рождения, вечеринку, банкет или как сценический аксессуар, и цвет, который он предпочитает. А конкретный дизайн и детали я прорабатываю сама.

- Как рождается новая коллекция? И сколько времени уходит на изготовление одного украшения?

- О, это сложно объяснить. Мои сотрудники шутят – Тика видит новые идеи во сне, а на следующий день воплощает его в жизнь. А если серьезно, я даже модные журналы не просматриваю, потому что, как бы ты не старался не попасть под влияние увиденного на страницах глянцевого журнала, все равно оно отпечатывается в твоём подсознании. Что касается времени, то это зависит от сложности конструкции. В среднем на одно украшение трачу от недели и больше.

- Аксессуары такой красоты только во сне могут присниться. В каком состоянии сегодня fashion-индустрия Грузии?

- В не самом лучшем. Во-первых, нет здоровой конкуренции. У нас, как правило, если ты талантлив и способен, то недоброжелатели тебе этого не простят. Мы никак не можем понять, что во вражде нет ничего конструктивного. Похвалить конкурента – не проявление слабости, а уверенность в себе. Мне, например, нетрудно сказать коллеге слова одобрения, если его работа заслуживает похвалы. Наверное, со временем все уладится, и мы поймем, что здоровая конкуренция – только на пользу. Главное – делать свое дело. Те, кто занимается плагиатом и создает видимость работы, в конце концов проиграет, не выдержав конкуренции. Иногда замечаю, что мои идеи заимствуют другие дизайнеры. Что ж, пусть, если своей фантазии не хватает. Завтра я сделаю еще лучше. Это во мне говорят не ам-

биции. Это мой труд. Тяжелейший. С утра до вечера. Чтобы заниматься этим творческим ремеслом, надо его очень любить и не всегда гнаться за экономической выгодой. Иногда, чтобы не потерять качество, приходится жертвовать прибылью.

В разговор вступает мама Тики – Нино:

- Работа дизайнера очень чувствительна к разного рода переменам в жизни людей. Влияют и экономическая ситуация, и политические изменения в стране. Это легко объясняется – людям нужна стабильность. Желание хорошо одеваться появляется у человека тогда, когда он чувствует себя стабильно. Участвующая практика покупки товаров через интернет-магазины тоже играет свою роль.

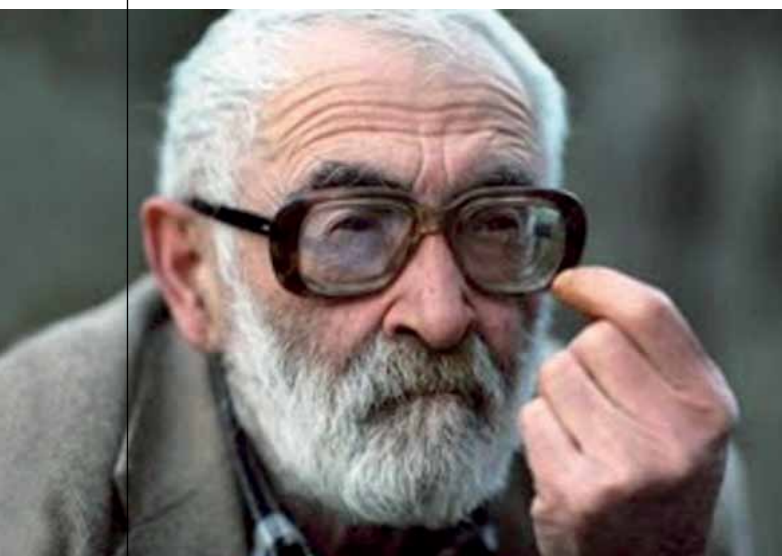
- Тика, какую роль сыграла в твоём успехе мама?

- О маме – отдельный разговор. Она очень особенный человек. Мой успех на 99 процентов стал возможен благодаря ее поддержке. Если бы не она, ничего бы не было. Мама – профессионал высокого уровня, с более чем двадцатилетним опытом работы. Я многому у нее научилась. Я видела, каково труда ей стоило овладение профессией. Она очень теплый человек. Ей дороги те, кого она любит. Человеческие отношения с клиентами для мамы важнее экономической выгоды. Она так тепло общается с заказчиками, что за многие годы работы они стали больше чем клиентами – часто заходят к нам в гости просто пообщаться, отдохнуть, попить кофе, пообщаться, как родные. И в том, что я пошла на риск, открыв свой собственный салон, тоже заслуга мамы. Мне было бы очень тяжело без нее. Я всегда чувствовала ее поддержку.

Нино:

- У Пушкина есть замечательные слова – «хвалу и клевету приемли равнодушно». Человек падает и поднимается. Это жизнь. И успех, и неудачи – все преходяще. Человек чрезмерно ценит успехи – более чем нужно. Чем выше забираешься, тем больше падать. Должен быть страх потери, должно быть ощущение, что успех не вечен. Тогда сможешь равнодушно отнестись и к успехам, и к неудачам, и спокойно делать свое дело.

Яна ИСРАЕЛЯН

Эрлом Ахвледиаки

С болью и печалью вижу, как редуют ряды моих друзей. К числу ушедших присоединился и Эрлом Ахвледиаки, тонкий, выделявшийся своим творческим почерком, прозаик редкой одаренности, цвет и гордость грузинской интеллигенции.

В наследие великой плеяды шестидесятников он внес новые краски, обогатил чертами своего неповторимого дара. Неслучайно Эрлома часто упоминал в дневниках наш блистательный прозаик Гурам Рчеулишвили, трагически погибший. На литературной службе рядом с Эрлом творили Гурам Гегешидзе, Нугзар Церетели, Важа Гигашвили, Давид Джавахишвили, Зураб Кикнадзе, Резо Чейшвили, Давид Цередиани и другие верные друзья, радующиеся чужому успеху.

Ни для кого не было секретом, что Эрлом писал небольшие рассказы, назидательные басни. Так играючи он создавал один из своих шедевров «Вано и Нико», который переведен на многие языки мира и принес автору заслуженную известность.

В творчестве Эрлома Ахвледиаки вы не обнаружите непосредственного влияния других мастеров слова, настолько необычен мир его образов. В то же время он творчески продолжил традицию великого Сулхан-Сабана Орбелиани, а также разрабатывал мотивы грузинских сказок.

Кадр из фильма «Пирсомани» (Нико - Автандил Варизи)

СЛОВО О ДРУГЕ

Особо следует отметить заслуги Эрлома в кинодраматургии. Именно его сценарий дал жизнь всемирно известному фильму «Пирсомани» Георгия Шенгелая – волнующему рассказу о жизни и страданиях гениального художника-самоучки.

В прозе Эрлома Ахвледиаки читателя почти на каждой странице поджидает сюрприз; условность и необычность сменяют друг друга, однако, это не самоцель художника, а врожденное свойство собственного видения и восприятия действительности. Здесь напрашивается невольная параллель с датским волшебником слова Хансом Кристианом Андерсеном.

В своей последней книге «Комар в городе», своеобразно задуманной и выстроенной, полной мистического юмора и лиризма, Эрлом пишет: «Весна – это такая штука, что приходит незамеченной и так же уходит». Весну нынешнего года, запоздалую и холодную, он, будучи тяжело больным, не воспринимал, но, думаю, наш народ скоро осознает, что в лице Эрлома Ахвледиаки Грузия потеряла необычайного творца, гражданина, человека образцовой порядочности.

Он из того редкого круга мастеров, чье значение возрастает со временем.

Достойная оценка его творческого наследия еще впереди.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

VTB сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

VTB

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДООАО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

1512-2972